

ЮРИЙ
НИКИТИН

2039

Юрий Александрович Никитин

2039

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57242680

2039; 2020

ISBN 978-5-04-111805-1

Аннотация

Все накормлены, болезни под корень, а медицина продлила жизнь. Еще не бессмертие, но жить молодыми и красивыми – да хоть тысячи лет!

Остался последний шаг за грань сингулярности, но большинство во всем мире возжелало «остановить мгновение». Наконец-то на земле рай, живи и радуйся, а за порогом обещанного учеными Большого Перехода пугающая неизвестность.

И потому случилось то, что должно было, мы же люди, а не арифмометры.

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	39
Глава 5	50
Глава 6	59
Глава 7	70
Глава 8	81
Глава 9	91
Глава 10	101
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Юрий Никитин

2039

Часть 1

Глава 1

Ульяна подняла голову с моего плеча, мордочка сонная, а когда распахнула припухшие веки, в глазах проступило детское изумление, вот только что так сладко спала, а тут вдруг ни с того ни с сего утро!

– Ой, – прошелестела она хриловатым со сна голосом, – уже что, да?..

– Тебе почудилось, – ответил я, – лежи, распорядись на кухне.

– Сама, – возразила она, – ах да, ты о своей настрадамной работе...

Со стороны кухни уже вкатывается мощными волнами бодрящий аромат крепкого кофе, а за ним тонкими струйками просачивается изысканный запах ломтиков поджаренного хлеба.

Туалетная раковина, как зеркало и вообще все-все в квартире, подключена к инету, и состояние моего здоровья тут

же известно моему лечащему врачу, мощному машинному интеллекту второго уровня, что следит за параметрами всех жителей Москвы.

Судя по отражению в зеркале ванной комнаты, мои нани-ты первого поколения, громоздкие и неуклюжие, пока что справляются с задачей. Уже год все мои показатели на идеальном уровне, рекомендованном Всемирной Организацией Здоровья и Долголетия.

Едва перешагнул незримую черту, отделяющую ванную от кухни-столовой, по левой стене, что мгновенно стала огромным экраном, побежали ролики событий за последние часы.

Я чуть расслабил мышцы лица, старался не показывать Ульяне сотрясающий меня со сна ужас – сегодня снова при-снилась сингулярность. Опять в виде огненной стены, что отгораживает от нас Вселенную. Сердце во сне трепетало, как бабочка в пламени костра, дух почти умер в ужасе, я не мог противиться силе, что неумолимо несла к этому плазменному огню, перед которым даже недра Солнца не жарче инея на стекле, и вот уже чувствую, как вносит в исполинский ад...

Всякий раз просыпался с колотящимся сердцем и в холодном ужасе, приходил в себя и только тогда делал вид, что вот проснулся, все путем, жизнь хороша, а временами и удивительна.

На кухне по стенам быстро бегут, сменяя один другого, ролики о взрывах у зданий научно-исследовательских центров Физики Элементарных Частиц и Молекулярной Химии.

Диктор с нейтральным голосом и нейтральной внешностью быстро и взволнованно тараторит о жертвах и разрушениях и уже не так бодро о том, что все инициаторы взрывов опознаны, теперь будут проводить операцию по задержанию...

Дебилы, мелькнула мысль. Не верят, что дальше будет еще лучше, им сейчас хорошо, безусловный базовый доход, изобилие в продуктах и товарах, гарантированное здоровье, теперь вот «Остановись, мгновение», ради этого и устраивают митинги, протесты, шествия.

В сингулярность одни пойдут сами, даже побегут, других придется тащить. Показывать преимущества нового мира и убеждать войти. Это же наши люди, мы отвечаем за них. Не их вина, что наши нейронные сети, я говорю о научных работниках, развились лучше, чем у таксистов или огородников. Да, мы чуть-чуть лучше развили свои мозги, но поэтому отвечаем за остальных, как старшие дети в семье отвечают за младших братиков.

В последнем ролике показали, как нечто незначительное или смешное, что памятник Долгорукому на площади генерала Скобелева облит красным так, что голова и грудь в липкой массе, даже по высокому пьедесталу сползла до мраморных плит.

– Куда полиция смотрела, – буркнул я. – В Москве каждый дюйм под наблюдением! Все пишется прямо в Облако.

Мой электронный советник, помощник и многое чего еще, Сюзанна, отслеживающая мой взгляд, пояснила с ми-

лой женской педантичностью:

– Законами города не возбраняются минидроны для детских игр. Но каждый из них в состоянии поднять на сто метров и перенести на пятьдесят пузырек с краской... Но сейчас такое тоже отслеживается.

– А меры?

– Слишком массовое, – сообщила она. – Власти не успевают.

– Человек на дурное еще как изворотлив, – сказал я с горечью. – Пакостить умеют абсолютно все, а строить и творить – единицы!..

– Все правильно, Кэп, – отчеканила Сюзанна. – Но все-таки князя за что?

– А просто так, – буркнул я.

– Как? – уточнила она. – Объяснение нечеткое.

– Природа рациональна, – ответил я, – а человек нет. Поэтому и оседлал весь животный и неживотный мир.

Она умолкла, стараясь с помощью изоощренных алгоритмов разобраться в загадке человека. Искусственный интеллект первого порядка, незаменим в быту. Интеллект второго уровня, такой, как моя Сюзанна, уже создан, но еще не вошел в серию. В двух-трех научно-исследовательских центрах, где сейчас днями и ночами работают над третьим, что позволит резко обогнать весь мир и фактически стать властелинами планеты... если, конечно, искусственный интеллект не уничтожит человечество одним движением мысли и

не станет властелином сам, чего опасаются не только алармисты из ученых и почти вся так называемая мягкая интеллигенция из гуманитариев, но и массы простого и очень даже простого народа, впервые зажившего хорошо и привольно.

Народ озлоблен, напомнил я себе. Экономисты и футурологи не принимают этого во внимание, для них важнее уровень благосостояния, что никогда не был так высок, как сегодня, потому не понимают, почему насилие даже в неблагополучные времена не захлестывало с такой силой мир, как сейчас. Бунты и волнения поднимают не голодные, декабристы не голодали, а недовольные, уровень благосостояния роли не играет.

Ульяна из ванной, где на экранах те же новости, сказала все еще сонным голосом:

– Безусловный базовый уже третий год, живи и радуйся. Так нет же, зажрались...

– С интернетом, – обронил я, – в мире стало тесно.

Она не поняла, а я объяснять не стал, мои прогнозы и умозаключения редко основаны на тех данных, что публикуются для широкого употребления.

– Не знаю, – ответила она, – что не так с интернетом, но пора навести порядок!.. Совсем распоясались. Хорошо, наш городок в сторонке.

Не в сторонке, подумал я с присущей мне педантичностью, и не городок, а слегка обособленный квартал на краю Москвы. Здесь большинство научно-исследовательских цен-

тров и компаний по разработке новых технологий. У нас даже простые рабочие не те, что укладывают асфальт на дорогах, а высококвалифицированные специалисты, даже без диплома частенько знают и умеют больше выпускников престижного вуза.

Странно, почему жизнь не остановилась, пока я спал, вон сколько всего случилось, одних убитых в городских стычках по Европе восемьсот семьдесят четыре человека и три собаки, два мощных взрыва в Нью-Йорке и в Париже, три пущенных под откос поезда в Саудовской Аравии и Йемене, ракетно-бомбовые удары Индии по военным базам Пакистана, ответный налет пакистанской армии на три приграничных города Индии, но это уже не новость, там вяло текущая война тянется из года в год.

Ульяна явилась на кухню в прозрачном пеньюаре, в таких рисовали барышень позапрошлого века, демократично и модно с тех пор, как любые дресскоды признаны ущемляющими права населения.

– Людей не жалко, – сказала она рассудительно, – но собачек за что?.. Эх, звери...

– Выстоим, – заверил я. – Не дергайся.

Она с некоторым испугом взглянула мне в лицо.

– Ты такой серьезный... Что, это еще не все?

– Не все, – ответил я с неохотой. – Но не обращай внимания, просто не заезжай в другие районы. Бесплезники все чаще выходят на улицы.

– Грубый ты, – сказала она обвиняюще. – Какое нехорошее слово придумал!

– Но прижилось же? – возразил я. – Значит, вовремя. Им же пользуются и с той стороны, и с этой.

Она вздохнула, чистое личико омрачилось.

– А я хотела на той неделе съездить к Варьке, пора повидаваться вживую... Или к тому времени эта дурь затихнет?

Я покачал головой.

– У людей дури много, ума мало.

Новостная лента по взмаху руки послушно исчезла, стремительно помчались строки со специализированных сайтов, последние события в науке и хай-теке.

У нас нет кухонных манипуляторов, считаю их лишними, футурологу нужно двигаться хотя бы на кухне, потому при появлении Ульяны дверцы кухонного принтера распахнулись, выдвинулся изящный поднос с янтарно-золотым соком в высоких стаканах с золотыми медальонами на боках.

Опередив ее, я снял оба и поставил перед нею на стол.

– Твои!

– И тебе бы стоило, – сказала она недовольно, – там столько витаминов! Все полезные.

– Пусть мои наники поработают, – возразил я.

– Еще неизвестно, – сказала она с неодобрением, – работают ли вообще, а столько денег угрохал!.. Зато витамины – это привычно и опробовано!

Я сказал миролюбиво:

– Мы что, уже такие старые, что говорим о здоровье?

Она расхохоталась, на щечках появились умильные ямочки.

– Обещают, – прошебетала счастливым голоском, – теперь никогда не постареем! Спасибо, милый, но очень уж дорого тебе обошлось...

– Пустяки, – сказал я великодушно. – Еще заработаю.

– Но ты влез в такие долги!

– Все удешевляется, – напомнил я. – Живи и радуйся, мир прекрасен, несмотря на.

Она хихикнула, начала рассказывать свои женские новости, а я, завтракая, усилием мышц глазного яблока включил контактные линзы и просмотрел последние новости инета насчет проекта «Нейролинк». У меня там не просто хорошие знакомые, в какой-то мере ведем совместные разработки, знаю, что и как на самом деле, но важно знать еще, как работы самого продвинутого сектора хай-тека подаются в такое непростое время для широкого пользования.

Ульяна поняла по моему виду, что хотя вроде бы смотрю в тарелку с едой, но вижу нечто свое, вздохнула и придвинула ко мне блюдо с печеньем.

– Попробуй. Сама приготовила!

Я кивнул, сама приготовила – это значит отыскала в сети какой-то диковинный рецепт, перебросила в принтер, а тот через три секунды выдал готовый продукт.

Она счастливо улыбалась, когда я взял печенье и схрустел

за пару секунд, а я подумал, что ее бабушка не поняла бы это «сама приготовила».

Милым и доверительным голосом прощепетала Аня Межелайтис, наш электронный управитель квартиры:

– Хозяин, на связи Роланд Гусарландский настоятельно добивается связи с вами. Я проверила, в самом деле профессор, лауреат двадцати восьми премий, почетный доктор наук и член-корреспондент, полгода тому возведен в рыцарство королевой Елизаветой.....

Я остановил ее взмахом руки.

– Умному человеку незачем сколько титулов. На какую тему восхотел говорить?

– Ответит лично.

– Отказать, – велел я. – И вообще сузь рамки. Учись отсекать лауреатов высших премий всемирных обществ любителей бабочек от настоящих ученых. Гуманитарии меня вообще не интересуют.

– Принято, – ответила она послушно. – Но раньше гуманитариев вы допускали!

– Сейчас они помеха на пути прогресса, – бросил я.

– Все?

– Почти, – ответил я. – Ни одна душа не шагает рядом.

Она отключилась с отчетливым щелчком, теперь это обязательно, как нелепый закон, чтобы электромобили обязательно шумели при движении, обращая на себя внимание слишком задумчивых прохожих. Мне это напоминает те вре-

мена, когда перед автомобилем должен был идти человек с колокольчиком в руках и предупреждать зевак, что этот вот странный экипаж без лошадей может толкнуть, а то и вовсе сбить с ног.

Ульяна поставила передо мной яичницу-глазунью, последний писк изыска искусственной пищи, в самом деле неотличимая по вкусу даже для самых строгих дегустаторов. Я в еде неразборчив, потреблял и раньше все, обращая внимание только на баланс минералов и аминокислот, а теперь даже за этой ерундой следят носимые и встроенные в организм датчики и синтезаторы.

Мысль вернулась к тому, как совсем недавно нас учили, что есть только два класса: рабочие и крестьяне, а между ними прокладка интеллигенции. Но сейчас очень быстро растет «беспольный класс», в котором не только вполне бодрые пенсионеры, им при нынешнем уровне здравоохранения жить очень долго, но и люди среднего возраста, чью работу стремительно отбирает автоматизация.

Социологи вешают обществу лапшу на уши, успокаивая, что с принятием безусловного базового дохода люди получили больше времени для самоусовершенствования, для обучения новым профессиям, для развития нравственных ценностей, попугаи тупые, даже не понимают, что говорят.

Каким новым высокотехнологическим профессиям смогли обучиться миллионы таксистов, когда на улицы вышли робоавтомобили?.. Или работники почты или вчерашние

кассиры?

Конечно же, не стали переобучаться даже те, кто вообще-то мог бы, зачем шевелиться, если «деньги и так плетут»?

Потому уже сформировался новый класс, в нем десятки миллионов, а то и сотни, в том числе и совсем молодые, которые не могут найти работу, даже если хотят, но большинство и не хочет, зато жаждет выпустить на волю накопившуюся энергию: устроить беспорядки, подраться с полицией, пожечь автомобили, побить витрины, пограбить, построить баррикады...

Возникло и укрепилось название «бодовцы» для таких вот бездельников, хотя суммы по БОДУ получают все, кроме разве что стран Африки, но и там уже вводят в отдельных регионах.

Я как-то со зла назвал их бесполезниками, но в нашем мире все фиксируется, слово тут же разлетелось по стране и миру, приклеилось, и вот уже на следующий день прочно вошло в речи ораторов и даже в обиходную речь, вытесняя термин «бодовцы».

Ульяна весело щебечет на кухне, обожает этот прекрасный мир, где все автоматизировано, хотя так и не научилась управлять кухонной аппаратурой мысленно, но все здорово, холодильник сам заказывает недостающее, дроны доставят в течение десяти минут, плита готовит так, как никогда не готовили лучшие повара даже императорам.

Я ел автоматически, если бы мог заряжаться от розетки, с восторгом бы перешел, а так, как корова какая-то, жую траву, ем точно так же, как ели троглодиты, даже мясо, пусть даже синтезированное, но все равно... Эх, скорее бы в сингулярность, когда разом покончим с этим диким наследием!

С экранов потоки новостей, пусть даже строго отфильтрованных моим мозгом, то есть никакого спорта, шоу-бизнеса, жизни кинозвезд, мимишных зверюшек, только политика, экономика и наука.

Общество расколото и все больше радикализируется. Ушли в прошлое партии республиканцев, демократов, зеленых, борцов за права меньшинств и животных, исчезли когда-то воинственные феминистки, и сейчас мир разделен на людей и транслюдей.

Это уже настоящее разделение, даже по внешности: транслюди обычно не скрывают имплантированные гаджеты, большинство вообще выставляют их напоказ, как раньше гордились золотыми зубами, бриллиантовыми серьгами или дорогими смартфонами.

Среди молодежи в моде биохакерство, что время от времени приводит к смертям энтузиастов, но иногда выдает положительные результаты, что тут же подхватываются и тиражируются, а серьезная наука сердито огрызается, что это нужно изучать, исследовать, а то кто знает, как это откликнется в стотысячном поколении через миллион лет...

Никому пока не удалось достичь бессмертия, но именно

нелегальные биохакеры наткнулись на возможность «отката возраста» и таким образом сумели продлить жизнь дальше видового предела, хотя пока и непонятно, до какого предела и с какими побочками.

Глава 2

Кухонные манипуляторы быстро собрали со стола использованную посуду и отправили в моечную машину. Я успел спасти только стакан с не допитым Ульяной соком, а над столом вспыхнул экран с крупным мясистым лицом заведующего нашим отделом Костолома.

Вообще-то он Камнеломов, но почему-то такую вроде бы простую фамилию выговаривать трудно, сперва то и дело называли Камнегоровым, что звучнее и как-то правильнее, а потом как-то само получилось, что сократили до Камнегора, затем переправили в Костолома, на что сперва возражал, но против мнения коллектива переть трудно, смирился, да и, как чудится, такая кликуха даже льстит, люди его уровня стараются хотя бы выглядеть костоломами.

Он всмотрелся в меня с презрительным выражением матерого сержанта, что смотрит на поступившего в его распоряжение новобранца.

– Только завтракаешь? – спросил мощным голосом, таким только поднимать солдат в атаку. – Нормальные уже землю пашут!

– Так то нормальные, – ответил я. – Я ж не Лев Толстой.

– Я вас всех сделаю нормальными, – пообещал он зловецким голосом. – Все строем ходить будете! С песней.

– Да, – сказал я, – конечно. И с барабаном на шее.

Он нахмурился, его солдафонским шуточкам даже поддакивают, что еще смешнее, не признают авторитет, хотя наш директор Скурлатский, академик и лауреат международных премий, поставил начальником отдела именно его, а не меня, как ожидали наши сотрудники, но я все равно работаю так, как считаю нужным, сотрудники прислушиваются ко мне, а при встрече с Камнеломовым вытягиваются в струнку и отдают ему честь, что тому наверняка нравится, хотя и хмурится, подозревая скрытые издевки на каждом шагу.

Судя по его досье, был капитаном школьной команды, потом капитаном футбольной в универе, служил контрактником в военизированных частях кибернетической защиты, ухитрился там защитить кандидатскую, но быстро вышел в отставку и каким-то образом сумел внедриться к нам в качестве шефа над большой группой высоколобых, которых в армии презрительно зовут яйцеголовыми.

Кроме общего командования отделом он отвечает за сбор информации, хотя, на мой взгляд, с этим гораздо лучше справляются поисковые системы. Правда, директор института уверил нас, что Камнеломов уже отобранную информацию еще раз просеивает через тонкое сито, чтобы предоставить нам самое ценное, для этого и назначен начальником отдела, но я еще тогда возражал, что это тонкое сито вряд ли с правильным диаметром ячеек.

Ульяна прошла по кухне, Камнеломов поймал ее взглядом и весело заорал:

– Привет, Уля!.. Твой супруг всегда занят своей как бы важной работой, на тебя ноль внимания, а я вот готов заскочить к вам и в реале. Покажешь еще разок спальню?

Она запнулась с ответом, быстро взглянула в мою сторону. Я знал, что пару раз занимались этим делом, Камнеломов старается утвердить надо мной доминантность, и хотя секс с женщиной ему тоже пресен, но желание показать свое превосходство надо мною тогда взяло верх, а что толкнуло Ульяну, не знаю, но это было давно, на этот раз она лишь покачала головой и ответила с полнейшим безразличием:

– Ничем. С доллами интереснее, а нам зачем портить отношения?

Он нахмурился, но тут же сказал подчеркнуто довольным тоном:

– Ты права, умница. Даже не представляю, как досталась такому зануде, как твой нынешний муж.

Она улыбнулась, но уверять не стала, что я не зануда. Кто оправдывается, тот уже проиграл, женщины по факту своего рождения знают основы довольно примитивной человеческой психики, тем более мужской.

– Заходи, – ответила она мирно. – Зато кофе с нами попьешь.

Он отшатнулся на спинку кресла, сделав это преувеличенно резко.

– Что-о? Все еще пьете кофе, как дикари?.. И у тебя муж после этого считает себя футурологом?

Она улыбнулась шире и ответила подчеркнуто скромно:
– Считает, раз уж и другие считают.

Намек попал в цель, вчера центр Гэллапа сообщил, что я вхожу в десятку самых ярких, хотя и очень неоднозначных молодых футурологов мира.

Уголок рта Камнеиломова дернулся, Ульяна заботливо придвинула к краю стола распечатанное на принтере печенье, то самое, которое предпочитает, в памяти принтера это хранится в числе приоритетов, а я никак не выберу время, чтобы стереть это на фиг так, чтобы не задеть остальные рецепты.

– Кушай, дорогой, – сказала она нежно и поцеловала меня в макушку, – невероятно вкусно... Волшебно!

Камнеиломов, массивный и мышчатый, наблюдал с экрана, как огромный кот, что смотрит на беспечных мышек, маленькие глазки под массивными надбровными дугами зло блеснули.

– Яркость и скандалы, – сказал он военным голосом, – не синонимы. А твой супругенец больше известен наглыми выходками и неуважением к авторитетам. Насчет удачных прогнозов это у него случайно. Или по пьяни.

– Он не пьет, – напомнила Ульяна.

– Брешет, – заявил Камнеиломов. – Все брешут, кроме меня. Правда, я тоже иногда, но редко и только по делу государственной важности.

Я поинтересовался:

– А ты чего по личной связи?.. Через двадцать минут буду в лаборатории Сокола, а потом у себя на месте. Все равно там увидимся.

Он сделал вид, что почти согласен со мной, а то слишком уж выдает некую заинтересованность, развел руками в картинно-оперном жесте.

– Шеф по старинке считает, что сотрудники должны общаться не только на работе, но и в быту. Дескать, иначе коллектив распадется.

Ульяна наблюдала за нами смеющимися глазами. Ей, как женщине, мотивы Камнеломова, как и мои, видны как на ладони. Ценит его не слишком высоко, и что тогда толкнуло повязаться с ним, не представляю, а копаться в тайниках женской души недостойно для футуролога, что старается рассчитывать будущее мира на годы и десятки лет вперед.

– Вот и пообщался, – сказал он, тут же поднялся из кресла быстро и красиво, напрягая грудь и плечи, яркий так и доминантный, во всяком случае, стремящийся к доминантности везде, где получается. – Отчитаюсь перед шефом!

Я предложил мирно:

– В следующий раз скажи, что лично был у нас, а я подтвержу.

Он поморщился.

– Что? Обманывать советскую власть?.. Сейчас каждый жест записывается минимум с трех камер!

– Шеф не смотрит, – напомнил я. – Ему важнее, как идет

война в Непале. Он вложил там деньги в добычу рутения.

Он сказал наставительным тоном:

– Все равно лучше перестраховаться! А ты меня подбиваешь на противоправные действия!

– Так и доложи, – посоветовал я. – Еще одну лычку получишь. Потом, правда, уволят.

Он дернулся, посерьезнел.

– Чего? Не пророчь, не пророчь!.. Ульяна, был рад с тобой повидаться. Как-нибудь еще повяжемся, хорошо? Было классно!

По ее лицу я видел, что классно не было, и вообще забыла про такой пустяк, сейчас мужчина с женщиной копулирует разве что в Африке и некоторых арабских странах, а в цивилизованных сперва были секс-куклы, а потом их заменили продвинутыми моделями. Те умеют все, что и люди, но только лучше, а самое главное – никаких добавочных запросов, что всегда осложняет секс между равноправными мужчиной и женщиной.

У нас с Ульяной секс раз в год в день свадьбы. Тем самым поддерживаем традицию и напоминаем себе о том дне, когда познакомились, а доллары еще не вошли в широкое употребление.

Экран погас, но тут же пошли потоком краткие новости из мира хай-тека.

Ульяна мягко улыбнулась.

– Молодец, держится.

– Ты о чем? – спросил я.

– Завидует, – сообщила она. – Ему так важны хотя бы маленькие победы над тобой.

– Какие победы? – спросил я встревоженно. – Где я проиграл?

Она улыбнулась.

– Успокойся. Если и проигрываешь, то по мелочам, на которые не обращаешь внимание. А для него и это щасте, чтобы раздуться от гордости. Он всегда всем рассказывает, что ты в очередной раз ошибся.

– Спасибо, – пробормотал я. – Ты всегда утешаешь.

– Это женский долг, – заявила она гордо. – Утешать и вдохновлять!.. Ты ешь, ешь, а то, смотрю, он тебе совсем аппетит отбил.

Я молча повернул в ее сторону ладонь, на запястье мигают разноцветные цифры, дескать, треть суточной нормы калорий уже набрана, пульс и давление в норме, витамины и микроэлементы сейчас ускоренно поступают в кровеносную систему.

– Можно съесть и просто для удовольствия, – возразила она сердитым голосом. – Все равно вес теперь не набираем!

– А зачем? – спросил я. – И продукты переводить, и организм нагружать зря. Ничего зря не делаю, только вот за чем-то женился...

Она замахнулась кулачком, я ловко уклонился и вскочил, в самом деле уже сытый в меру и готовый к свершениям.

Всевидающая Аня Межелайтис сказала нежным голоском:

– Дорогой, автомобиль у подъезда.

– Иду, – ответил я.

Ульяна сказала заботливо:

– Только не отвлекайся, не отвлекайся!.. А то один вот так оступился на лестнице и шею сломал.

– А другая поскользнулась и под трамвай попала, – ответил я тон. – Естественный отсев. Неча чипироваться всем, кто желает!

Она промолчала, вмонтированный в мозг чип хорошо и прекрасно, но далеко не для всех. Первые бионические протезы, несмотря на радостную шумиху вокруг них, приживались долго и с трудом, большинство предпочитали ходить на костылях или передвигаться в кресле, чем полгода мучительно пытаться заставить эту бездушную железку распознавать бессвязные сигналы мозга, а потом еще и подчиняться им.

С мозговым имплантатом еще сложнее, и сам он недостаточно совершенен. Мощности шестиджишной связи маловато, даже семь-джи не справляется, так что энтузиасты, вживившие чипы, только и сумели, что научились волевым усилием входить в инет, но даже это дало колоссальнейшее преимущество, когда моментально начали получать все интересные новости, а также любые данные, что нужны для работы и доминирования над окружающим нечипированным стадом.

На сегодняшний день чуть больше двухсот тысяч человек вживили себе в мозг имплантаты, однако половина так и не научилась ими пользоваться, еще четверть в сети постоянно, но не вылезает из порносайтов и форумов по знакомствам, что тоже объяснимо: процедура вживления пока что стоит очень дорого, а в нашем странном мире больше всего легких денег приходит к актерам и шоуменам, людям не шибко интеллектуальным.

Словом, всего десять тысяч по всем миру используют для работы постоянную связь с интернетом, нам всегда не хватает инструментария для повышения своих знаний и умений, и я один из этих десяти тысяч.

Глава 3

Автомобиль, быстро сбрасывая скорость, подкатил к подъезду, моментально распахнул дверцу. В этом я консерватор, предпочитаю личный, хотя в моде каршеринг. Планктон всегда предпочитает то, что проще, ему даже думать, видите ли, уже трудно, а личный авто предполагает хоть какую-то заботу о нем, от чего избавлен ездун на такси.

Я опустил на сиденье, в салоне раздался мягкий, но вместе с тем деловой голос Сюзанны:

– Доброе утро, сагиб!.. На службу или как?

– Ты мне это шуточки брось, – велел я. – Нахваталась в инете!.. Никаких «или как»!

– Извините, сагиб, – ответила она смиренно. – Я думала, вы человек! А вы, оказывается, продвинутый арифмометр.

– Сперва в институт, – сказал я. – Потом к себе.

– Домой?

Я повысил голос:

– «К себе» я называю на работу! Ты знаешь мой словарь и мои обороты, нечего фрондировать, как Жанна д'Арк на турнире!

– Принято, – ответила она и сказала совсем шепотом: – А Жанна д'Арк на турнирах не бывала. Даже зрителем.

Дома заправляет электроникой Аня Межелайтис, а все остальное, включая работу, компетенция Сюзанны, это бо-

лее продвинутая модель, второй уровень ИИ. Такой вообще-то не предназначен для личного пользования, потому на Сюзанну у нас завязаны все операции в офисе, а также контакты и контракты всей нашей группы со смежниками и фрилансерами.

В сегодняшнем мире на смену гражданскому браку пришел сперва гостевой брак, затем сезонный, воскресный и даже аморфный, но ни один не вытеснил других, все живут в тех условиях, которые предпочитают, это и есть демократия, часть даже вступают в официальный брак со своими электронными помощниками, куда менее продвинутыми, чем Сюзанна, хотя для тех нужд мощный интеллект вряд ли востребован.

Сюзанна сказала быстрым голосом:

– Дальше митинг на проезжей части дороги!.. Несанкционированный, предупреждений не было. Возьму управление на себя?

– Бери, – разрешил я. – А митинги сейчас все несанкционированные. С властями уже не считаются.

– Говорили же, на убыль шло?

– Отступили на шаг для разгона, – ответил я кисло. – Уступок не получили, начнут что-то похлеще... Да и почувяли свежий запах крови.

Она уточнила:

– А каких именно свобод требуют? Вроде бы уже все получено...

– Свободу править миром, – буркнул я. – Но свобода с таким народом не выживет. Свободными могут быть только интеллектуалы.

Она озадаченно замолчала, а я включил экран лобовой панели, там показывают митинг, но вряд ли его Сюзанна старательно объезжает, там вообще многотысячная толпа, а выступает сам Яворовский, один из лидеров протестного движения.

Мужественно красивый, харизматичный, он и похож больше на героя старых боевиков, чем на политика, громкий и властный голос находит отклик очень у многих, вообще Яворовский говорит чаще всего о том, о чем остальные думают, но помалкивают.

– Сегодня, – услышал я его мощный голос, – с нами также все национальные центры культуры и народы диаспор, что не желают растворяться в безликом месиве того бесчинства, что выдается за культуру будущего!..

Ага, мелькнула мысль, ожидаемо. Подверстывается и национальная идеология. Дескать, боремся за мораль, за честь и совесть, за свою идентичность, а то в большом болоте таких мелких лягушек и не заметят, а нам обидно, другим выделиться нечем.

– Мы требуем передать телевидение в руки местных властей, – продолжал Яворовский мощно и напористо, – а центральной власти выделить два-три часа в сутки для вещания именно государственных указов!.. А все остальные передачи

должны регулироваться местными властями!.. И в Татарстане только на татарском языке, а в Дагестане на языках населяющих его народов, потому что и они не желают исчезать как национальности в общем котле!

Сюзанна виртуозно и на большой скорости провела автомобиль дворами, а когда выметнулась на магистраль, митинг остался позади, а Яворовского с его пламенными речами, рассчитанными на инфантильных подростков и диванных стратегов, я выключил сам, предпочитая просто смотреть в окно.

– Дикари, – сказала Сюзанна, я уловил в ее голосе нотки негодования. – Кому нужны языки, на которых говорит несколько тысяч человек? Пусть даже несколько миллионов?.. Но требуют от своих детей изучать свою местную культуру, свой язык, который нигде не пригодится...

– Это ты подхалимажу учишься? – спросил я с подозрением.

– Сагиб?

– Больно голосок у тебя соглашательский, – определил я.

– А разве не правду вещаю? Вон Прибалтика уже только территория, все там говорят на русском и английском...

Я буркнул:

– Сейчас нет уже ни американцев, ни русских. Есть только люди и простейшие.

Она умолкла, я продолжал прикидывать варианты, как повернется движение неолудов, но все сводились к одному:

раздражение в обществе достигло критической точки, котел должен взорваться, как я и предположил несколько лет тому, но тогда меня только высмеяли.

На мгновение мысль вернулась к Яворовскому, в общем он хорош, прозорлив и достаточно тактичен. Я однажды даже поддержал его, когда он добивался и сумел добиться запрета такого позора, как параолимпийские игры, верх лицемерия общества, тупости чиновников и абсолютного отсутствия такта тех, кто не возразил или даже поддержал проведение таких соревнований.

Но тогда его вело чувство справедливости и неприятия лицемерия, от кого бы ни исходило: от властей или общества, а теперь... даже не знаю, насколько он искренен, а насколько уже политик. Недавно заявил, что его следует называть не Яворовским, а Яворивским, он не желает русификации своей фамилии, это же потеря национальной идентичности...

В мозг постоянно стучатся новости, а некоторые как бы без спроса влезают и устраиваются в отведенных для них местах, это разрешенные, им можно, у них квота, раньше называлась подпиской.

Предполагалось, что люди, снабженные мозговыми имплантатами, будут открыты для всех, я вот один из самых открытых в мире, но пока что на связи только семисот тридцати тысяч человек, это моя родня, друзья и практически весь ученый мир, но закрыт для неолудов и даже для тех, кто не

понимает ни яйцеголовых, ни их противников.

Эту часть города я сам помню диким и неухоженным лесом, как все еще везде в Подмосковье, в сингулярность войдем раньше, чем наведем порядок вокруг себя, но сейчас автомобиль мчит по прекрасной магистрали к огромному высокоиндустриальному району, выстроенному по единому плану, что значит сразу с широкими и прямыми дорогами, стоянками и удобными подъездами к любому зданию.

Возвели всего за три месяца, причем первые две недели корчевали лес и размечали как где и что. Вообще сейчас такое интересное время, на подготовку проекта уходит времени больше, чем на само строительство. Если, конечно, не типовуха.

Это все в районе продолжающегося расширяться Южного Бутова, в центре нового района восемь супервысоких небоскребов, семь по тридцать километров в высоту, а один в сорок. Сразу же после постройки, еще не приступили к внутренней отделке, его крышу начали использовать как космодром, а сейчас заключают договор на использование и двух соседних.

Жители района собирают митинги и запоздало начинают строить баррикады, чтобы не допустить превращения в нечто промышленное: на островах стройте свои космодромы, пусть даже пассажирские, а нам они не нужны, у нас тут загородные домики и огороды с курами.

Несмотря на протесты, в центре соседнего Восточного Бу-

това начали строительство здания из инновационных материалов в сорок пять километров. Крышу запланировано сделать в виде расширяющегося конуса, чтобы принимать больше кораблей, в том числе и грузовых. Если комиссия даст добро, привычные космодромы постепенно закроют.

Однако дорогу на место строительства супервысотки жители района не просто перекрыли живым щитом, а подтянулись крепкие организованные ребята, что для начала строительную технику забросали коктейлями Молотова.

Троих бульдозеристов увезли на «скорой» с серьезными ожогами, но о таких происшествиях стараются умалчивать, чтобы не разжигать, не понимая, что в наше время все становится моментально общеизвестным, а безнаказанность лишь разжигает аппетиты вандалов.

Пять из восьми небоскребов, в сторону которых мчит меня скоростной автомобиль, принадлежит Алисе Чумаченко, ее ранней мечтой было заработать сто миллионов долларов, но сейчас владеет сотней миллиардов, но не останавливается, стремительно и рискованно подхватывая на лету многообещающие проекты и вкладывая в их реализацию деньги.

За небоскребами начали рыть котлован, поговаривают, там начнут закладывать фундамент самого высокого здания в мире.

Три супернебоскреба, самые высокие, под контролем Игоря Мацанюка, в одном расположен научно-исследовательский центр проектирования чипов следующего поколе-

ния. Единственный в стране центр такого уровня, созданный с нуля на частные деньги. Остальные либо мелочь, либо с контрольным пакетом акций от государства.

Автопилот, неслышно переговариваясь с тысячами других автомобилей, стремительно несется в сверкающем блестящими крышами потоке.

Небоскребы надвинулись, развернулись, первые два отступили на края широкой трассы. Автомобиль пронесся мимо и нацелился широким носом на самый дальний, там по краю крыши даже днем горят огни посадочной площадки.

Вспыхнул экран, перекрыв все лобовое стекло, появилось бодрое лицо Михаила Уткина, моего помощника в офисе, хотя мне помощник вообще-то по рангу не положен.

– Хорошая новость, – сказал он с радостным подъемом, – три минуты тому закончилась операция редактирования генома под руководством академика Алексея Москалева! Которому в прошлом году нобелевку всучили, а он еще стеснялся... Клянется, что на этот раз точно сдвинули второй предел в двести десять лет.

– Посмотрим по результатам, – ответил я уклончиво. – Сколько раз уже обещали.

Он ухмыльнулся.

– На этот раз взяли группу долгожителей побольше!..

– И будем ждать, проживут ли за двести десять лет?

Он ухмыльнулся.

– Анализы покажут результаты на второй неделе. Там не

только увеличение продолжительности, но и частичное омоложение!

Я буркнул:

– А группа Вередуева уже третий раз делает возрастной откат. Ну и что? Лабораторные анализы не убеждают даже специалистов, обожглись на прошлых результатах, а внешне никто не отличит семидесятилетнего от шестидесятидевятилетнего.

Он воскликнул:

– Что за пессимизм?.. Наука идет вперед семимильными шагами!.. Не идет, а бежит, летит как птица!.. Все жаждут отката, уже выстраиваются очереди. Все хотят быть моложе и здоровее!.. И будут!

Я промолчал, результаты отката своими глазами, как требуют недоверчивые простейшие, можно будет увидеть только через несколько лет, анализы крови мало кого убеждают, а у нас нет этих лет в запасе. К тому же эти откаты работают против нас. У простейших больше доводов, чтобы «остановить мгновенье» и жить в этом прекрасном мире молодыми и красивыми сотни и тысячи лет, к тому же ничего не делая, а только наслаждаясь своим никчемным существованием.

– Здорово, – сказал я, – передайте мои поздравления.

Он сказал жарко:

– Что с вами?.. Все случилось согласно вашим прогнозам!.. Год в год!.. Это же триумф!.. Нужно стричь дивиденды!.. Вы наверняка купили акции их компании, когда только

создавалась?

Я отмахнулся.

– Я не настолько предусмотрителен в быту. Хотя и не голодаю.

Он понимающе улыбнулся, подмигнул, дескать, трудно представить себе человека, который, прогнозируя взлет одних компаний и падение других, не попытался бы на этом заработать.

– Ваши поздравления передам, – сообщил он. – Для меня это честь!

Экран погас, превратившись в обыкновенное стекло, за которым по обочине шоссе стремительно скользят вечно цветущие декоративные деревья, а на линии горизонта быстро и просто дико прекрасно вырастают великолепные небоскребы, в одном из которых расположен научно-исследовательский центр под руководством Сокола, где разрабатывают чип «Фемто-три», нейроморфный процессор третьего поколения.

Голос Сюзанны прозвучал над самым ухом, чистый, но с ноткой тревоги:

– Сагиб, впереди... траблы. Советую гиперлупом.

Я поморщился, но ответил ровно:

– Хорошо.

До небоскребов на автомобиле промчаться по прямой совсем ничего, но вчера в этом районе была акция неолуддистов, вон на краю шоссе кое-где еще дымятся шины, Сюзан-

на постоянно следит за оптимизацией пути, разумнее прислушиваться к ее советам.

Автомобиль резко повернул, я лишь с сожалением взглянул на гроздь прекрасных небоскребов. Не знаю, как у Маданюка и Чумаченко насчет дружбы или соперничества, но здания отгроханы шикарнее одно другого. Уж и не знаю, сколько миллиардов долларов вложили, но там уже не просто отдельные дома, а в каждом небоскребе самостоятельные города со своим искусственным интеллектом, что обеспечивает жильцов и работающих там всем необходимым и даже сверх того.

В ближайшем к нам небоскребе расположились научно-исследовательские лаборатории. Работающие там гордо называют их цехом, хотя на самом деле всего лишь разрабатывают и тестируют прототипы чипов ультрановых разработок.

Ульяне я советовал не покидать наш благополучный район, потому не стал сообщать, куда отправился сам. Иногда даже мне странно, что при обилии камер и при таком тотальном наблюдении преступность не уменьшается. Видеокамеры фиксируют не только каждый метр на улице, но давно установлены во всех магазинах, кафе, не говоря уже о вокзалах и аэропортах. Даже в общественных туалетах вмонтированы с той поры, как в двух столичных возле Манежа прогремели взрывы. Входящих теперь фиксируют на входе и проверяют по базам данных, при любом подозрительном дви-

жении поднимут тревогу и заблокируют двери, которые сломать очень непросто.

Помогает, но пока не настолько, как рассчитывали. Иногда даже самые вроде бы добропорядочные с виду обыватели как с цепи срываются. Кстати, преступность усилилась сразу же, как только развернула свою деятельность стремительно набирающая размах и влияние организация «За равные права», что настаивает на искоренении последних привилегий в обществе, как рудимента Средневековья.

Статистики сразу вывели эту закономерность, наложив два графика. На одном рост численности равноправщиков и размах их деятельности, на другом усиление преступности по странам.

И хотя равноправщики действуют легально и закон не нарушают, но это как с исламом: при желании тот тоже можно истолковать как призыв к истреблению всех неверных, чем многие и воспользовались. В парламентах многих стран начали добиваться запрета равноправщиков, под какими бы сверхгуманными и справедливыми лозунгами те ни вели борьбу.

Правда, юристы так и не смогли найти зацепку, на каком основании можно их остановить, потому лишь с завистью смотрели на Китай и Россию, где просто стукнули кулаком по столу, и все – запрет. Нельзя, потому что нельзя. Права общества выше прав отдельных людей. А кто начнет спорить и возражать, тех в тюрьму. Как врагов народа. Повзрослеют –

поймут, что у профессора прав всегда было больше и будет, чем у студента, иначе общество рухнет.

В салоне стремительно мчащегося автомобиля тишина, ни один из экранов не работает, рудименты, на сетчатки глаз получаю все, что желаю, а глушить мозг музыкой или новостями шоу-бизнеса – себя не уважать, как и смотреть футбол или бои без правил, которые для приличия называются боями смешанных стилей.

Глава 4

Впереди быстро появилось и выросло футуристическое здание станции гиперлупа, автомобиль сбросил скорость и плавно припарковался рядом с эскалатором, что сразу же пришел в действие, едва я ступил на первую ступеньку.

Автомобиль послушно включил автопилот и не спеша поехал к небоскрегам.

Через двадцать секунд я в два прыжка прямо с эскалатора вскочил в подкатившую капсулу.

Ускорение переношу легко, как и торможение капсулы гиперлупа, продолжал сопоставлять скорость работы над перспективным «Фемто-три» и помехи со стороны проверяющих органов. Это не самое важное направление моей работы футуролога, но вся моя интуиция говорит, что архитектура этого чипа способна даже на большее, чем заявлено в подготовленной документации.

Едва поднялся на поверхность, тут же подкатил одноместный беспилотник и услужливо распахнул дверь.

В мои мысли вмешался чистый голос Сюзанны.

– Господин Сокол только что вышел из кабинета, двигается по направлению к лифту.

– Лишь бы не застрял, – заметил я.

Она услужливо подхихикнула, Сокол в самом деле застрял полгода назад при спуске. На эту тему по этажам долго

бродили анекдоты и фейки, так как застрял не один, а с женой генерального, до этого лифты работали безукоризненно, а причину поломки так и не удалось найти.

Почему Сюзанна посоветовала сменить транспорт, я понял, как только капсула выметнулась из-под крыши местной станции гиперлупа, не такой красивой, но тоже футуристичной, дизайнеры соревнуются не на жизнь, а на смерть, их слишком много, кому-то приходится покидать это поле.

На авто даже среднюю скорость пришлось бы сбросить, чтобы лавировать между гудами автомобильных покрышек посреди шоссе, попадают совсем громадные с тяжелых самосвалов, некоторые все еще чадят.

Судя по новостям, вчера вечером была акция неолуддитов из движения «Наше право». Перекрывали дороги, оказали сопротивление полиции, пришлось вызывать даже Росгвардию. Дороги освободили только к утру, но все еще не убрали покрышки, только-только прибыла на автобусе первая бригада вечно недовольных рабочих, что вообще-то даже не скрывают симпатии к неолудам.

На подступах к небоскребу, в подвалах которого цех разработки и тестирования чипов, увидел группку митингующих. Всего-навсего десяток девиц неопрятного вида и полдюжины парней со смартфонами в руках, по которым получают инструкции, что делать и какие лозунги выкрикивать.

Здесь пришлось бы еще больше сбросить скорость, потому что такие могут броситься как бы под колеса, чтобы спро-

воцировать кампанию против засилья беспилотников, что только и выискивают, кого бы из людей задавить и переехать в угоду злumu и бесчеловечному ИИ, что уже приступил к захвату всего мира и планомерному истреблению людей.

Я подумал со злостью, что надежды на то, что безусловный основной доход освободит время «для развития и образования» не то что не оправдались, а с треском провалились. Человек все же тупая и ленивая скотина, жаждет лежать на диване и требовать от правительства, чтобы выделило диваны помягче и поширше.

Самые активные из этих бездельников вместо того, чтобы получать образование и повышать свой уровень, устраивают митинги и протесты, перегораживают улицы, и не смей их тронуть, это же воля народа, хотя я вот тоже народ, как и все ученые тоже народ, но нас меньше, потому по дурацким законам, принятым в дикие века прошлого, большинство тупых может навязывать свою волю меньшинству, потому что тупых всегда больше, чем умных.

К счастью, авторитарные правительства уже доказали большую эффективность перед такими вот слишком демократическими, и теперь спохватившаяся Европа бросилась догонять Китай, Россию и прочие страны, где правительство изначально держит власть в кулаке и не позволяет черни садиться на голову.

Держит, подумал я, все еще держит, но вот и здесь началось то же самое, что ввергло Европу в хаос. И то ли нет сил

остановить, то ли и наше правительство опасается прибегать к слишком уж силовым методам, чтобы не слышать обвинения из-за океана в людоедстве...

Но что-то сломалось не только в Датском королевстве.

Сокол вышел из лифта в холл, объединенный со станцией гиперлупа в то же мгновение, как капсула, в которой я прибыл, резко остановилась напротив. «Сокол» вообще-то не имя и не фамилия, а ник, под которым его пару лет знали на форумах и даже в одной онлайн-байме, но наше восприятие запечатлевает первое впечатление, потом избавиться от него трудно. Тем более что в своей среде он не единственный, кого привыкли называть по нику.

Я только успел покинуть сиденье, как Сокол с улыбкой на лице быстро подошел с протянутой навстречу рукой.

– Рад вас видеть, господин Малыгин!..

– Зачем такие церемонии, – ответил я.

Оба стиснули ладони друг друга крепче, показывая, что у нас сердца здоровые, пульсовая разница в норме, а кровь насыщена кислородом, что так необходимо для интенсивной работы неокортекса.

Сокол оглядел меня оценивающе, еще помнит время, когда мы мерились бицепсами, у него тогда оказалось на полсантиметра больше в обхвате, а сейчас с виду уже на пять-шесть, когда только и успевает работать и качаться.

– Следим за вашими прогнозами, – напомнил он, – и ориентируемся на них!

– А я на ваши разработки, – ответил я с тем же градусом любезности. – Показывайте...

Собственно, всю информацию я мог бы получить и виртуально, также виртуально походить по цехам, где разрабатывают чипы и гоняют на проверочных стендах, но мне очень важно пройтись вдоль линии, посмотреть на работающих, перекинуться с кем-то словом.

Это вплетается в ту кашу из мировых новостей, откуда вылавливаю нужные крупички ценных именно для меня сведений, где данные о повышении температуры Мирового океана сплетаются с ростом волнений в Гватемале, отталкиваются от уменьшения запасов палладия в Китае и коррелируются с ростом прекращения выпуска кондиционеров в Западной Европе.

Мои прогнозы опираются, как я говорю, на точные статистические данные, на самом деле так только частично, в очень большой степени допускаю и нечто интуитивное, что на самом деле тоже результат сложнейших вычислений где-то в глубинах неокортекса, сути которых не прослеживаю, но уже доверяю.

Сокол достал из шкафчика и молча протянул легкий комбинезон со встроенной системой автономной подачи воздуха.

Пройти пришлось через два шлюза и один душ, наконец дверь в так называемый цех распахнулась, открывая два ряда установок вдоль стен и узкий проход между ними.

Я прошел через узкую дверь первым, быстро хватая взглядом, что и как изменилось за время с прошлого посещения.

Чипы здесь не только разрабатываются, но также изготавливаются прототипы, а дальше, не выпуская за дверь лаборатории, тестируются, проверяются и снова в доработку. Дело даже не в высоком проценте брака – на первых порах, понятно, зашкаливает, – но еще чипы нового поколения слишком капризные, всегда выдают меньше того, что от них требуем, и если наверх сообщить какие-то сроки, то там с бараньим упрямством будут требовать их соблюдения, а если у нас что-то затянется, начнут подозревать в саботаже и распилах, менять руководство, сажая вместо ученых туповатых, но послушных чиновников.

Сокол пошел рядом, в голосе прозвучала сдерживаемая гордость:

– Возможности «Фемто-три» за эту неделю удалось раздвинуть по трем параметрам! Если учесть, что «Фемто-два» уже управляет всем нашим хозяйством и даже помогает организовывать исследования, что нас безумно радует...

– Всех?

– Всех, – подтвердил он. – У нас же научные работники, а не поэты или художники. Для нас дважды два четыре неоспоримо. Нам нравится, что в искусственном интеллекте изначально нет человеческих страстей, симпатий, предпочтений!

Я сказал с горечью:

– Это вам, а простейшим?..

– Простейшие тоже люди, – ответил он с надеждой. – Быстро привыкнут больше доверять искусственному интеллекту, чем судье-человеку, на решение которого может повлиять утренняя ссора с женой, менструальный период или сообщение, что сын связался с наркоманами!

Я вскинул руки.

– Это мы с вами понимаем, а простейшие боятся, что искусственный интеллект сразу начнет уничтожать человечество. Хотя на самом деле искусственного интеллекта нет и даже не знаю, может ли появиться, а пока что это невероятно сложный виртуальный арифмометр с закачанными в него Уголовным и Гражданским кодексами, а также всеми правилами, инструкциями и прочими нашими законами «как жить правильно», вплоть до Библии. Потому да, искусственный интеллект будет абсолютно справедлив, но это понятно нам, а для простейших нужны не доводы разума, а... даже не знаю что. Потому вы зря не упрятали лабораторию поглубже.

Сокол широко заулыбался во весь рот.

– Мы обсудили тогда ваше предложение...

– И?

– Решили, – ответил он, тщательно подбирая слова, – что вы слишком... алармистничаете.

Я ответил с горечью:

– То есть параноик? Но вы же видите, что начинается?

Он ответил беспечно:

– Народу дают возможность покричать и выпустить пар.

В нашей стране все под контролем!.. Это Европа распустила свою демократию, вот и огребла...

– Мы тоже Европа, – напомнил я. – Как ни называй режим, но у нас с нею общие ценности. Так называемые европейские.

Он сказал уверенно:

– Если равноправники зайдут слишком далеко, правительство выведет на улицы армию!.. Тяньаньмэнь показал, в Китае тогда поступили верно. Нам будет легче, прецедент есть.

– Может быть, – согласился я. – Может быть... Но все же помалкивайте о новых разработках. Так, рутинные исследования. Тогда вас сметут вместе со всеми, а не в первую очередь.

Он вздрогнул, поплевал через плечо.

– Да ну вас с таким шуточками!.. Такое серьезное лицо, а еще и этот обрекающий голос... У меня мороз по коже!

Я улыбнулся.

– Тоже надеюсь, что все обойдется. Но расчеты показывают, что сопротивление будет только нарастать...

Он взглянул на меня внимательно.

– Опираетесь на работу отца народов? В ней Иосиф Виссарионович убедительно доказал, что сопротивление общества по мере приближения к новой фазе существования человечества будет все усиливаться.

Я промолчал, только кивнул. Еще лет десять тому ссы-

латься на Сталина или Гитлера было кощунством, для многих это оставалось все еще свежей раной, но за эти годы столько веков промелькнуло, что те времена стали казаться таким же отдаленным прошлым, как и времена Чингисхана или Аттилы, что пролили крови и сожгли городов ничуть не больше, чем просвещеннейшие Цезарь, Помпей или Сципион Африканский. Просто время было такое, мир другим, и сегодняшние моральные нормы применять к тем условиям по меньшей мере неверно.

Вообще-то Сокол со своей точки зрения прав. Хотя перенести лабораторию под землю нетрудно, при нынешней строительной технике заняло бы не больше недели, да плюс две на переезд и перетаскивание техники, но прекрасно понимаю энтузиастов, что и минуты не хотят терять на такую хрень, как перебазирование. Многие и сейчас остаются ночевать в лаборатории, зато утром можно сразу к своему рабочему месту.

Сокол при всей эмоциональности все же чувствует ответственность руководителя, тщательно взвесил «за» и «против», решил рискнуть. Но, думаю, на его решение слишком повлияло нежелание останавливать работу даже на сутки. Я бы все-таки потерял хоть месяц, но понадежнее спрятал лабораторию. Или в самом деле старею и чересчурничаю?..

Сейчас даже мне трудно понять, как правильнее. Остается надеяться на интуицию, что есть тот же выбор вариантов, только моментальный, когда сразу сообщается результат вы-

числений, пропуская все промежуточные расчеты.

Работающие в нашу сторону даже не оглядываются, словно мы бесплотные тени, как Данте с Вергилием, гуляем по райскому саду, каждый корпит на своем участке грандиозного проекта.

Сокол поглядывал на их сгорбленные спины чаще, чем я, внезапно помрачнел и сказал уже другим голосом:

– На Мацанюка давят. Требуют, чтобы прекратил финансирование наших работ. И вообще разорвал с нами аренду!..

– И как он?

Он ответил с кривой улыбкой.

– Мацанюк крепкий орешек. Не спорит, только просит уточнить, как и за что, чтобы ему не быть слишком уж замаранным. А нас предупредил, чтобы работы ускорили. Дескать, если и дальше будут давить, то ему придется уступить. Уже намекнули, что перекроют кислород, если будет тянуть. Мир вообще идет вразнос, центральные власти мало что решают, а местную все больше прибирают к рукам неолуды. Однако я не верю, что мир настолько уж сошел с ума!.. Он должен, просто обязан опомниться!

– Мы слишком долго жили умом, – напомнил я. – И других к этому принуждали. Вот природа и дает опору, запустив маятник в другую сторону.

Он посмотрел почти с испугом.

– Надеюсь, шутите?

– Какие шутки, – буркнул я. – Это вам по уму жить в кайф,

а другие что только не придумывают: алкоголь, наркотики, секс, музыку, зрелища, танцы, спорт, только бы не дать развиваться неокортексу, а человека вернуть в его блаженное состояние, каким был сто миллионов лет тому... А теперь вот пошли в открытую.

Он зябко передернул плечами.

– Надеюсь, это у вас такие шуточки футурологические. Люди не захотят вернуть прошлое.

– Да? А почему попаданцы в прошлое стали самым популярным жанром?.. Ладно, Сокол, я увидел достаточно. Вне-су кое-какие коррективы...

– В сторону ускорения? – спросил он с надеждой.

– Как получится, – ответил я дипломатично. – Иногда мне кажется, это не я соображаю, а мой мозг сам по себе что-то подсчитывает, сравнивает, а меня не слушает...

– Ого!.. Пансперсия?

– Да нет, конечно, – ответил я загадочной для иностранца фразой, – просто часть мозга занимается тем, что обеспечивает непосредственные нужды организма, а другая где-то уединилась и решает свои высоколобые задачи, со мной не советуется.

– Завидую, – ответил он. – А у меня весь мозг решает, кому что подать и куда принести... Вот и вас встречаю, как управляющий, а не доктор наук по нейроморфным сетям.

Глава 5

Мы обменялись на прощание древним рукопожатием – атавизм, что исчезнет при переходе в сингулярность, когда перестанем быть животными людьми с их пещерными ритуалами.

– Успеха, – сказал я, – тороплюсь, меня Сюзанна ждет. У Сюзанны синие глаза и а-а-а-алый рот...

Он понимающе улыбнулся, а я, подойдя к автомобилю, услышал тихий голос:

– Спасибо, сагиб...

– Ты мое чудо, Сюзанна, – сказал я бодро. – Это счастье, когда ждет такая верная... женщина!

Пока на обратном пути она подбирала себе синие глаза и алый рот, а потом моделировала на экране так и эдак (женщины могут этим заниматься до бесконечности), мой мозг, в самом деле получив еще и визуально-тактильные ощущения, сам по себе в своем тайном центре принялся смаковать, развертывать и рассматривать полученную информацию, а я, как буриданов осел сегодняшнего дня, задумался над проблемой, к какой из тысячи охапок сена повернуть голову.

Раньше у человека не было столько возможностей, как теперь. Всего стало больше: видов спорта, развлечений, специальностей, еды и, что важнее всего, хотя и не так заметно, открылись новые дороги в науке и хай-теке.

И вот теперь, когда вместо одной дороги у человечества сотни, а дальше тысячи, резко возросла роль футурологов. Людей, которые перерабатывают массу информации и указывают «правильные» дороги.

Свои футурологи теперь даже в каждой крупной компании. Очень важно выбрать путь, что приведет к успеху. Уже все знают, что к успеху только один путь, а к краху тысячи, и выбрать непросто, все дороги впереди в призрачной дымке, не видать ни ям, ни колдобин, даже бездонную пропасть не углядеть заранее в густом тумане, пока не окажешься на самом краю.

Автомобиль повернул так резко и неожиданно, что меня прижало к дверце с достаточной силой, словно на космической ракете делаю крутой разворот.

Сюзанна проговорила извиняющимся голосом:

– Сагиб, изменение маршрута.

Я не успел увидеть, что случилось там впереди на дороге, как на большой скорости, хотя и сниженной, автомобиль проскочил насквозь жилой район типовых бюджетных домов и выметнулся на параллельную улицу.

Здесь тоже многолюдно, взгляд как сам по себе начал хватывать из пестрой толпы шляющегося по улицам народа парней в черно-белых майках. Хотя кто в джинсах, кто в шортах, а один и вовсе в килте, но одинаковость рубашек издавна означает некую общность, помним сочетание «чернорубашечники», «коричневые рубашки», «вышиван-

ки», «красные рубахи», натренированный на поиск вызовов мозг сразу ощутил некую опасность.

Автомобиль, естественно, не обладает такой чувствительностью, но когда один из группы вытащил из сумки бутылку и швырнул в нас, то моментально вильнул и чуть ускорился, явно успев предупредить идущие слева машины насчет агрессии двуногих.

Бутылка ударилась о полотно асфальта, чуть-чуть не задев крыло машины. Парни и девушки разочарованно закричали, одна из вульгарно размалеванных шлюшек показала мне вдгонку выставленный средний палец.

Вряд ли хотели задеть именно меня, просто это снова набирает силу молодежное движение «Насты», возникшее еще двадцать семь лет тому и проявившее тогда себя с таким блеском и размахом.

Это потом и не сразу поняли, да и то потому, что разъяснили насчет тщательно спланированной и блестяще проведенной операции со стороны Запада. Россию тогда из-за волнений и беспорядков, начатых «Настами», покинуло несколько миллионов ученых и бизнесменов, началась стагнация, а из-за нее за рубеж выехало еще около пятнадцати миллионов молодых и наиболее работоспособных.

Но «Настов» это не беспокоило: в одном месте убыло, в другом прибыло. Не на Марс же улетели, а в более благополучные страны Европы и США, где их умы и руки востребованнее и оплачиваются выше.

Вообще-то мыслят верно, если принять, что мир един, а мы человечество, но большинство все еще мыслят устаревшими категориями стран, конфессий и местных законов. К сожалению, в тех странах, куда уехали, мыслят еще более устаревшими категориями, несмотря на хваленый демократизм, и тут же обрадованно начали наращивать давление на обессиленную страну по принципу «Горе побежденному!».

Тут уж даже самые миролюбивые и молчавшие раньше в России озлобленно заговорили о том, что хватит терпеть, пора взорвать атомные мины у побережья США и смыть это проклятое государство с лица континента в океан.

Сейчас озлобленность во всем мире достигла предела. Достаточно кому-то громко чихнуть, начнется стрельба всюду и во всех.

Часть той доли мозга, что занята не делом, а так называемой жизнью простого человека, а ниже пояса мы все простые, даже академики, продолжает даже в скоростном автомобиле следить за новостями.

Как разумному человеку, мне хотелось бы отсортировать их так, чтобы не лезла вся эта навязчивая хрень насчет спорта, шоу-бизнеса, постельной жизни актеров, но вынужден потреблять, хоть и по верхам, и это говно.

Все мои сотрудники могут подобное отсечь, как вон Сокол, хотя и накачал себе мускулатуру, но спортивные передачи не смотрит, дескать, любой спорт – триумф животного начала, что ведет взад в пещеры.

А я вот не могу, футуролог должен видеть все-все, что влияет на человека, а человек, стыдно сказать, бои без правил смотрит с большим удовольствием, чем гениальные пьесы Шекспира. Не говоря уже о том, что ролики с боями без правил смотрит практически все население планеты, а вот о Шекспире большинство даже не слыхало. Я вот слыхал, хотя, конечно, его пьес не смотрел и не буду, меня интересует мир, в котором буду жить я, а не тот, в котором жили мои дикие предки.

Но рецензии читаю, этого достаточно, чтобы включить понятие так называемой гуманитарной культуры в парадигму развития вообще культуры, что на самом деле почти целиком из технокультуры.

Еще из новостей видно, что Европа не просто беднеет, а все стремительнее катится в полную и окончательную нищету. Даже США обеднели настолько, что неловко за них, слишком уверились в своей исключительности, обленились, обнаглели, теперь *panem et circenses* нигде не звучит так громко, как у них, хотя страна вроде бы протестантская, а это значит, наиболее трудолюбива по самой сути своей этики!

Была.

А вот Азия и Восток все еще продолжают подниматься, авторитарный стиль на ясно просматриваемой дистанции оказался конкурентоспособнее стран со старой демократией.

Автомобиль вышел на прямую дорогу к нашему офису, но я продолжал неотрывно просматривать новости о красочных

боях в Непале.

Вдруг без моей команды треск стрельбы и грохот взрывов резко оборвался, сменившись тишиной. На экране на фоне строго обставленного в классическом стиле кабинета возникло и приблизилось лицо Скурлатского, моего непосредственного шефа, академика, профессора и лауреата дюжины премий и званий престижных университетов Европы, директора института прогнозирования и футурологии.

– Гарольд Анатольевич, – сказал он, опуская все еще используемое среди простого народа «здравствуйте», – надеюсь, направляетесь на работу?

– Так точно, – ответил я бодро. – Только что от Сокола. Там все идет по плану!.. Ждем результат. Затем обсудим, как и что дальше.

– Хорошо, – одобрил он. – Знаю, предпочли бы в виртуале, но потом поймете преимущества живого общения. Еще молоды, прете без оглядки.

– Верю вам на слово, – ответил я с прежней готовностью курсанта перед генералом, у которого вся грудь в медалях и колодочках. – Вам виднее!

– Иронизируете, – сказал он с укором. – Ладно, отключаюсь, вы уже приехали. Будьте осторожнее! Этот непростой период нужно перетерпеть...

– Перетерпим, – заверил я. – Спасибо, Макар Афанасьевич!

Его лицо исчезло на фоне классического кабинета – в та-

ких творили Ньютон, Эйнштейн и Петр Капица, – тут же с обеих сторон и даже с лобовой панели страшно загремели мощные взрывы. Бетнобойные бомбы в живом эфире разрушают на большой глубине сверхзащищенные бункеры, очень красиво, явно операторы поборются за Пулитцеровскую премию, дальше съемка показала, как сработали четыре вакуумные бомбы, сброшенные с самолетов России и Китая на базы террористов в Судане.

Я поймал себя на том, что смотрю с полнейшим равнодушием на как бы ужасающие разрушения и тысячи смертей. Бомбы объемного взрыва, в просторечии просто вакуумные бомбы, теперь применяют все чаще, это уже обыденность, а раз так, то ничего ужасающего, если видишь каждый день.

Да и вообще в мире слишком долго копилась злость, теперь выплескивается вообще часто внезапно и беспричинно, как долго спавшие вулканы. А уж если где повезло начать войны, то ведутся с настоящим гуманизмом в полный кайф до полного истребления врага, а то и противника, разрушением городов, разве что не проводят борозду плугом в знак того, что разрушено полностью.

Но это в горячих точках, что уже сыпью покрыли лицо и тело планеты, а в так называемых благополучных странах Европы, где от войн все еще с великими усилиями воздерживаются, во всей отвратительной искренности разгул сословия, которое в Древнем Риме называли развращенным плебсом, а в нашем мире именуется демократическим движением за

свободу выражения простого и очень простого народа.

Но лозунг тот же, панем эт цирцензес. Императоры шли навстречу простому народу, а сейчас тем более демократия, где «все для человека, все во имя человека». Дали вдоволь и хлеба, и зрелищ, у каждого свой богатейший виртуальный мир, чего еще надо?

Но теперь эти простые и демократичные ощутили угрозу в надвигающейся сингулярности, о которой пресса, нагнетая остановку, трубит из каждого утюга.

И хотя в сингулярности должно быть «еще лучше», однако демократическому большинству и так прекраснее некуда. Сейчас оно вывалилось на улицы Европы и требует «остановить мгновенье». Не только для себя, а чтоб весь мир замер, «а то непонятно, куда эта проклятая наука заведет».

Прерывая невеселые думы, Сюзанна сказала бодро:

– Еще один непредвиденный поворот... придется заехать к зданию с другой стороны. И вы дома! В смысле, на работе.

– Мы дома, – поправил я. – Я рад, что ты с нами.

– Спасибо, сагиб, – прощebetала она. – Я рада, что у меня синие глаза и а-а-а-алый рот!

Впереди на середину шоссе, прямо на асфальт, с грохотом спешно вываливают из гигантского самосвала автомобильные покрышки, еще новые, с красивым нестертым рисунком протектора, неиспользованные.

Молодые парни быстро растаскивают их с таким расчетом, чтобы как можно точнее перегородить шоссе во всю

ширь, слышатся бодрые веселые голоса, полные страсти и возбуждения, как всегда, когда выступаешь против гнусной власти, ибо революционеры – это романтично, круто, пусть сильнее грянет буря, а эти жирные пингвины от нас не спрячутся...

На обочине парни и девушки торопливо поджигают пропитанные бензином тряпки.

Не дожидаясь, когда начнут швырять их на гору покрышек, Сюзанна повернула так резко, что колеса протестующие заверещали обиженными поросятами.

Мелькнула и пронеслась совсем близко стена жилого дома, искусственный интеллект выверяет скорость и возможности автомобиля безукоризненно, впереди блеснул простор внутреннего дворика, слишком крохотного для комплекса обступивших его высотных домов, но мы проскочили на скорости прямо через детскую площадку, где ни детей, ни взрослых, все со смартфонами в руках на протестах общественности против засилья гнусной и продажной власти.

Автомобиль выскочил с подскоком на тротуар соседней улицы, круто развернулся и помчался к виднеющемуся вдали нашему трехэтажному домику.

Глава 6

При постоянном подключении к инету мозг работает быстрее, так что за те считанные минуты, что автомобиль пронесся от главной магистрали до нашего старинного особняка, я успел провести две видеоконференции, побывать на брифинге военных консультантов в Чикаго, но все же до скорости суперкомпьютера далеко, и когда авто замер перед подъездом нашего трехэтажного домика, я с сожалением отметил, как мало успеваю в этом стремительном мире.

Едва открыл дверцу и ступил на асфальт, прокаленный жаркий воздух охватил со всех сторон, а сверху обрушились, как дождь из расплавленного олова, солнечные лучи.

Наш центр исследования и прогнозирования, в котором работаю, всажен в отдельно стоящий архаичный домик, всего три этажа, я поспешно добежал до крыльца, с этим глобальным потеплением только и думаешь о сладостном времени зимы, с разбега запрыгнул на ступеньки, гордясь, что преодолел сразу три, молодец, держу форму.

Тяжелая входная дверь отщелкнула титановые замки, но чтобы открыть, пришлось самому потянуть на себя эту массивную сейфовую плиту.

Из прихожей навстречу пахнуло бодрящим свежим воздухом, кондиционеры работают мощно и бесшумно, стены коридора оклеены экранными обоями, сейчас там мельтешит

калейдоскоп новостей и срочных сообщений.

Я поморщился, но, увы, не каждый даже в нашей конторе подключен к инету напрямую, низшее звено получает по голосовой команде новости с экранов, так что пусть, хотя эта допотопность и раздражает тех, у кого поиск в интернете и управление блоками памяти находится в тимусе или даже глыбже.

Что делать, технологии выскакивают одна за другой настолько быстро, что сегодня установил новейшую, а через неделю выпрыгнула еще круче, и далеко не все могут тут же апгрейдиться по ряду обстоятельств, в том числе и финансовым.

На первом этаже в прихожей первым меня увидел Касарин, аналитик второго разряда, зеленокожий, как мифический тролль, хотя по сложению больше похож на эльфа. Цвет кожи объясняет как побочный эффект бохакинга, три года тому опрометчиво хотел доказать, что он нашел, как секвенировать геном, чтобы стать бессмертными, но в результате изменил цвет кожи. Хотя и с бессмертием, может быть, получилось, пока что судить рано, но мне кажется, просто стыдится признаться, что по молодости и дурости хотел выделиться «из толпы» чем-то необычным, как выделяются многие даже великовозрастные подростки.

Хотя есть любители косплеев, что сознательно меняют внешность, есть и эльфообразные, хотя их эльфовость или эльфичность только в сильно удлинённых ушах с заострен-

ными кончиками, а так когда видишь роскошную белотелую эльфийку весом центнера в два-три, что повадками напоминает торговку рыбой на базаре, то чувствуешь некий диссонанс с собственными представлениями о мифологии.

– Шеф, – сказал он звонким, как вроде бы положено говорить эльфам, голосом, – рад вас видеть вживую!

– И ты прибыл? – спросил я с недоверием. – Что тебя заставило оставить свою нору? Сегодня особый день?

Он широко улыбнулся, растягивая жабий рот на пол-лица, нарочито дряблая кожа послушно сместилась в стороны.

– Сами знаете, живем и трудимся по старинке. Начальство полагает, работники должны являться на службу хотя бы раз в неделю. А в последний день месяца, как вот сегодня, общий сбор.

Я взглянул поверх его чешуйчатой головы на огромное табло с часами.

– А что... ух, как время летит!.. Вроде бы только что уже был общий. Тогда еще Толмачев от нас ушел.

Он чуть понизил голос:

– Сегодня кто-то еще уйдет. А то и не один. Что-то затевается, шеф. Очень нехорошее.

Я промолчал; что затевается, знаем из новостей. Неолуддисты взяли под негласный контроль Приморье, Урал бурлит, в Поволжье воинские части объявили, что верны правительству, но на подавление народных волнений не пойдут. Даже здесь в Москве неолуддисты начинают брать пример

с шахидов, готовых жертвовать жизнями, только бы спасти, как они считают, мир от разрушения транслюдьми.

Он пошел следом, а я открыл тяжелую дверь главного зала и вступил в мир умнейших людей и великолепных вычислительных машин, связанных облачными вычислениями со всеми банками данных.

С обеих сторон прохода мне махали руками, улыбались. Кто-то даже поднимался и делал шаг навстречу с протянутой для пожатия ладонью. Видимся в самом деле редко, а в личном общении вроде бы есть некая изюминка, потерянная при более рациональных контактах с помощью видеоканалов.

Я тоже улыбался, это нетрудно, нужно только помнить, в каком положении держать мышцы лица, обменивался рукопожатием или просто вскидывал ладонь в приветствии, кому-то кивал издали, наконец добрался до своего уголка, что не кабинет, тот на третьем этаже, а здесь очерченное на полу место в общем зале, где в случае необходимости стол и стены могут подняться из пола по щелчку пальцев.

В конце прохода у самой стены стоит набычившийся Камнеломов в напыленной на тело рубашке из полиампа, что как вторая кожа, а то и первая. Картинно мышчастый, широк в плечах, бицепсы по шестьдесят сантиметров, грудь – как выкованная из меди кираса римского легионера.

Я издали отдал ему честь, приложив кончики пальцев к виску и отставив локоть, он не успел среагировать, как я вступил в очерченный квадрат своего места, где по щелчку

ку пальцев из пола моментально поднимутся стены уже с грохочущими картинами боев и беспорядков во всем мире, а также с графиками и столбиками цифр где, что, сколько, оставляя внизу место для моих мыслезаписей.

Сюзанна, отслеживающая все, что касается меня, вывела на голографическом экране некие чертежи, но из-за своего стола поднялась и направилась к моему месту Диана, восхиительно элегантная и эффектная, как новенький спортивный электрокар, блистающая глазами, зубами и улыбкой, на таких всегда оглядываются, а они сами пополняют ряды жен и любовниц миллиардеров и президентов.

Я успел увидеть ее в голубом, но сейчас ее платье моментально сменило цвет на красный, мои предпочтения знает лучше моего примитивного организма, я бы удивился, что это, оказывается, мой любимый цвет, но психологам виднее, я такой бытовой хренюю никогда не заморачивался.

Улыбаясь все шире и радостнее, она шла в мою сторону, красиво покачивая бедрами, платье с каждым шагом наливалось багряным огнем, нижний край заискрился оранжевыми искрами, словно она идет в пламени сопровождающего ее костра.

Плечи оголились, платье теперь держится на узких лямках а ля конец прошлого века, кожа Дианы чистейшая, без тату, только на левом плече крохотный золотой мышонок засиял блесками, в его лапках появился аленький цветочек. Диана одна из немногих женщин, что сразу приняла такие

тату, а в основном же женщины, да и мужчины, пока воздерживаются от подобной откровенности, когда татуировка может выдать ваше подлинное отношение к тому, с кем общаетесь.

Она подошла, звонко постукивая высокими каблуками, я вынужденно ждал, а она обняла и поцеловала в щеку. Аромат тонких духов коснулся моих ноздрей, воображение сразу нарисовало ее обнаженной в моей постели.

Она перехватила мой взгляд на ее плечо, уголки губ чуть дрогнули улыбке.

– Да, моя мышка всегда счастлива тебе видеть. Никак не отговорить...

Я вздохнул, она понимающе, с торжеством улыбнулась, женщины умеют подбирать и даже сами составлять духи с компонентами афродизиаков.

Голос ее прозвучал нежно и сочувственно:

– Как это сумели выдернуть тебя из твоей норки?.. Вижу, ты в стрессе. Ничего, я позабочусь...

Я ощутил некоторую неловкость, все в нашем коллективе могут видеть, куда скользнула ее ладонь и что щупают ее чувственные пальцы, и, хотя такое теперь в порядке вещей, никаких табу, однако же знают, как ревностно я сосредоточен на своей работе и не терплю шажки в сторону.

– Диана, – попросил я, – перестань. Это не мои игры.

– В эти игры играют двое, – сообщила она жарким шепотом. – Но можем и втроем. Если хочешь...

Я деревянно улыбнулся и, мягко отодвинув ее в сторону, вернулся к столу, что уже поднялся из пола то ли благодаря моей команде, то ли Сюзанна успела позаботиться раньше.

На столешнице когда-то высился экран в 8К, я еще застал время, когда он был последним писком хай-тека, потом вместо него из поверхности стола появлялось голографическое изображение собеседника, но в конце концов я сказал себе, что прогресс – это не новое, а лучшее, и снова велел поставить прежний дисплей.

Правда, теперь это уже не 8К, а 16, совершенно лишняя роскошь, никто не в состоянии различить разницу при таком размере экрана.

Из середины экрана выдвинулась элегантная женская фигура с безукоризненным лицом и в строгом деловом костюме.

– Шеф, – произнесла она звонким контральто, – ваш вчерашний прогноз подтверждается на девяносто и семь десятых процента, однако, если война на юго-востоке Азии не прекратится в течение месяца...

– Прекратится в течение недели, – заверил я. – Здравствуй, Сюзанна. О, у тебя уже такие синие глаза...

– И а-а-алый рот, – подсказала она счастливым голосом. – Что-то изволите особое?

Тонкие элегантные пальцы Дианы опустились на мое плечо, я снова ощутил зовущий в постель аромат плотских утех.

– Он все получит от меня, – сообщила она Сюзанне, – я

позабочусь. А ты пока сгинь, соперница.

Сюзанна беззвучно исчезла, я услышал, как от соседнего стола хихикнули. Я недовольно покосился в ту сторону, там поспешно отвернулся и сделал вид, что занят делом, крупный парень борцовского сложения, в непривычно элегантном для работников нашего отдела костюме.

Я нахмурился, все чаще теряем сотрудников, но если раньше убегали за бугор, соблазнившись жалованьем и колоссальными возможностями, то теперь многие уходят из-за страха перед воинствующими неолудами, а на их месте появляются вот такие, которых всему нужно учить заново.

Ощувив мой недовольный взгляд, парень поднялся и быстрыми шагами двинулся в мою сторону.

Диана окинула его оценивающим взглядом, а он, не обращая на нее внимания, остановился перед моим столом и чуть-чуть поклонился.

– Игорь Шенгалыц, – назвался он немного надтреснутым голосом, как чаще всего говорят те, кому в горло недавно встроили голосовой переводчик. – По рекомендации директора института прислан работать в ваш отдел. Я много слышал о вас и счастлив находиться в вашем коллективе.

Через два стола от моего громко хрюкнуло. Там в роскошном кресле развалился Камнеломов, на столе перед ним слегка подрагивает под ударом солнечной вспышки на Солнце призрачная голография в виде сложного дворца, не сразу иобразишь, что не здание, а воплощенное в макете рас-

пределение по планете запасов исчезающего рутения.

Не поворачиваясь, я ткнул через плечо большим пальцем.

– Видите вот того рыжего, что косит под викинга?.. Это он начальник отдела. Без него вас здесь не оформят.

Камнеломов сделал вид, что не слышит, но приосанился, а Диана ехидно хихикнула.

Шенгальц широко улыбнулся.

– Да, знаю. Но когда говорят про этот отдел, обычно называют вашим.

Слишком прост, мелькнуло у меня, не понимает, что это вызывает недовольство и зависть коллег, особенно у Камнеломова. Даже директору вряд ли понравится, хотя он и кажется человеком мудрым и жизнь повидавшим.

Диана пропела сладким голоском:

– Вообще-то не только этот отдел, но и весь наш центр можно назвать так... как ты сказал, но пока что вслух об этом не говорят... Ты попал в хорошее место... На меня не смотри такими глазами, я принадлежу Гарольду Анатольевичу целиком вся!

Шенгальц улыбнулся шире, ухватив сразу и мою реакцию, я даже дернулся, рабовладелец из меня никакой, а Диане сказал очень вежливо:

– Уверен, многие хотели бы оказаться на моем месте. И работать в вашем коллективе.

И хотя всегда так говорят, имея в виду вообще данный коллектив, но почудился намек, что он говорит о сгруппи-

ровавшихся вокруг меня специалистах, хотя я очень не коллективный человек, скорее волк-одиночка, предпочитаю самостоятельные и никем не скованные действия.

Моя специализация – прогнозирование будущего, а для этого нужны только всевозможные и разнообразные данные и умение ими оперировать, а к этому у меня полный доступ, как почти у каждого на Земле, только не все умеют пользоваться.

Диана наклонилась надо мною так, что пышная грудь легла мне на шею, шепнула жарко в ухо:

– Я в твоём распоряжении, помни! Можешь делать со мной, что захочешь.

Не брешь, мелькнула трусливая мысль. Только говоришь так, а потом сама начнешь делать со мной, что захочешь. Нет уж, в эти игры не играю. Хоть я на девяносто девять похотливая обезьяна, но оставшемуся проценту неокортекса удастся держать эту обезьяну в узде достаточно крепко.

Шенгальц даже не проводил ее взглядом, что вообще-то подвиг, достойный святого Августина, сказал мне все тем же хрипловатым голосом переводчика последнего поколения:

– Я учусь быстро. Если что нужно узнать совсем новое, то я подключен к глобальной сети на постоянной основе.

– Здесь такие все, – ответил я. – Почти все.

– И вообще-то, – добавил он, – я открыт полностью.

Я кивнул, но «открыт полностью» и «вообще-то открыт полностью» это не одно и то же, мой натренированный мозг

мгновенно отыскал в облаке его данные, в самом деле открыто почти все, за исключением совсем крохотного сектора, помещенного под пароль, который, как я сразу понял, без мощного квантового компа не вскрыть.

– А что упрятано?

Он покраснел, как юная тургеневская девушка, которую увидели, когда та отправилась в заросли цветущих благоухающих роз и, закинув подол платья себе на плечи, присела там покакать.

– Простите... Но там мои детские травмы... Если хотите, для вас открою, вы же мой босс, но для остальных пока не готов...

Я сказал легко:

– Все норм. У меня тоже были комплексы на сексуальной почве, но повзрослел и понял, что все выдуманно, сам потом смеялся.

– Ох, простите...

– Приступайте к работе, – велел я, – у нас ее больше, чем где-либо в мире. А к вам сотрудники пока присмотрятся за пробный период.

– Насколько пробный?

– От недели до месяца, – ответил я. – То, что вас прислал сам директор института, всего лишь рекомендация, но не повеление нашему коллективу и мне.

Глава 7

Он отступил на шаг, все еще с пылающими ушами, чуть поклонился и торопливо ушел за отныне его стол.

Красивый танковый бой в Йемене, снимаемый дронами с подлинным изяществом, исчез, взамен на фоне футуристично обставленного кабинета возникло крупное лицо Извека Красавцева, координатора зала машинных расчетов, с которым сотрудничаем уже несколько лет.

Он всмотрелся в меня с покровительственной насмешкой.

– Ты же футуролог, а живешь в таком архаичном мире! Смотри, до Средневековья допредсказываешься!

– Ты о чем? – спросил я. – А-а, что без голографии? А что она добавит?.. Я не приемлю прогресс ради выпендрежа.

– Я о твоём хозяйстве, – пояснил он. – Заглянул вот сейчас на твой загородный участок, а там куры, гуси, козы... Как можно?

Я с неудовольствием сдвинул плечами.

– Они для красоты, держу не из-за мяса. Все автоматизировано, последний раз заглядывал туда пару месяцев тому.

– Но яйца ешь?

– Ем, – согласился я. – А куда девать, раз несут?.. Дроны приносят каждый день. Но ни одной курицы не зарезал. Будут жить до старости, как и все остальное.

Он хохотнул.

– Тогда постарайся им тоже продлить жизнь, как себе. А затем обеспечить бессмертие, пусть это и дорогая процедура, ты же зарабатываешь неплохо?

– Я живу на базовый, – сообщил я. – А про остальное некорректно.

Он картинно изумился.

– Некорректно? Ты в каком Средневековье?.. Мы в открытом мире!

– Ну вот и смотри, – отрезал я, – что открыто. В нашей конторе в самом деле получаю копейки.

– А общение? – спросил он. – С таким титанами, как я?.. А возможности?

Я поморщился: контора «Рюрик» хороша лишь тем, что у них мощные поисковые машины, таких не больше полусотни во всем мире, некая помесь ионных с квантовыми и традиционными, что позволяет очень быстро оперировать самыми разными массивами данных.

Правда, я как раз к ней равнодушен, но команда Красавцева каждое мое предположение тут же прогоняет по всем параметрам и с вариантами, и хотя шеф всякий раз говорит, что порю чушь и ничего не подтверждается, но смотрит как-то странно и с огромным уважением.

– Колоссальные возможности, – согласился я, – жаль, не пользуешься.

– Я? – изумился он. – Да я каждый день с ними работаю!

– Правда? – спросил я. – А почему не спросишь что-то

важное? Например, как поумнеть?.. Ладно, трудный вопрос, понимаю. Тогда хотя бы, как повесить ай-кью?

Он сказал оскорбленно:

– Пользоваться вычислительными мощностями в личных целях неэтично, сам знаешь. А что раньше было только осуждается, теперь уже наказуемо!

– Пора в неолуды, – сказал я с сочувствием.

– Уже предлагали, – ответил он угрюмо. – Сам подумываю, только бы оказаться с тобой по разные стороны... Да и чего бы стал спрашивать всякую ерунду, если мог бы сразу спросить самое важное: как стать богатым?

– Ты прав, – вынужденно признал я. – Бритва Оккама в действии. Так что ты хотел... но никак не решаешься спросить? Как потерять девственность?

Он умолк на миг, но взгляд стал жестче, а голос прозвучал тверже:

– Насколько реально твое пророчество...

– Я не пророчествую, – прервал я.

– Ну твое предсказание...

– И не предсказатель, – уточнил я сухо, не люблю шуточки на эту тему. – За предсказаниями обращайтесь к бабковангам. Я выдаю прогнозы.

– Не подкрепленные строгими научными данными, – возразил он. – Так что это не столько прогнозы, сколько предсказания. Или пророчества. Если невозможно проверить...

– Да, – ответил я, – пока нет таких механизмов, но если

мои прогнозы вам не подходят, что ты хочешь? Рецепт глазуни?

Он сказал с неохотой:

– Хочу уточнить, насколько реален твой прогноз, что неолуддисты победят по всей Европе?

– Просто уверен, – ответил я дипломатически. – Устоят только государства с авторитарным управлением, да и то с большими потерями. А их уже нет в Европе... Что, у вас наконец-то забеспокоились?

Он поморщился, во взгляде неприязнь, как к любому, кто сообщает неприятное, но в то же время вижу и острую заинтересованность, каждый хочет знать, о какой камень споткнется.

– Руководство считает, – ответил он с еще большей неохотой, – твои прогнозы точнее, чем у нормальных ученых, что оперируют графиками и цифрами. Хотя, думаю, просто угадываешь... Везет, в общем. Вот-вот тебя ждет большой облом, и окажешься в глубокой заднице.

– Вот порадуешься, – сказал я миролюбиво. – Ну, а пока лучше подготовиться. Хоть и не веришь, но меры прими.

– Какие? – спросил он. – Я не президент страны. Да и он сделать ничего не может против такой волны народного протеста и этих, как его, сокровенных и подспудных чаяний!

– У него армия.

– А если армия с народом?

– Неолуддисты еще не народ, – сказал я сухо. – Хоть их

и большинство. Я вот тоже народ. И наш коллектив... Ну ты понял, все решится в тот момент, когда президент будет думать насчет вывести танки против этих простейших или уступить. Если бы тогда на площадь Тяньаньмэнь не вывели танки, сегодняшнего могучего и так пугающего мир Китая не было бы вовсе.

Он процедил почти с ненавистью:

– Я доложу руководству. Vale!

На экране снова бои, пожары, ракетные удары по халифату, всякий раз восстающему как из пепла феникс. Красочно показан горящий центр Парижа, но я убрал звук и погрузился в сравнение сценариев будущего, которые могут чуть-чуть корректироваться и тем, что творится прямо сейчас.

Мужчины в отделе настроены ко мне критически, что и понятно, каждый считает себя гением, а остальные непонятно как сюда попали, но женщины в футурологии пока что не претендуют на высокие ступеньки, им важнее преуспеть в женской интуиции, а та, видимо, подсказывает, что я только-только начал свой разбег.

Потому большинство стараются мне понравиться тем или иным способом на тот случай, если возглавлю какую-то структуру, чтобы взял с собой, безработица сейчас выкашивает целые отрасли.

Их ошибка в том, что я одиночка, вообще не являлся бы сюда, если бы не дурацкое кредо директора института прогнозирования и футурологии насчет того, что люди должны

общаться и вживую.

Футурологи не работают в команде, сама профессия требует отрешения от сиюминутных дел. Нужно уметь сосредотачиваться на масштабных проблемах, которых обычный народ не видит из-за множества мелких дел и забот, что простому человеку – а мы в чем-то все простые – важнее великих свершений, меняющих историю.

Потому я никогда ничего возглавлять не буду – не мое, и все.

Справа стол Влатиса; белобрысый, как вепс, с головы до ног в веснушках, наклонился к экрану, где в темпе его мысленных команд быстро-быстро сменяются пиктограммы сжатых вычислений.

– Жили у бабуси, – услышал я его тихий голос, – два зеленых гуся... Один белый, другой серый, а четвертый красный...

Уткин тоже услышал, бросил от своего стола:

– С квантовой запутанностью работаешь?

– В асимметричной петле Шредингера – Вайдлера, – сообщил Влатис. – Как угадал?

– У шефа учусь предсказывать!

Уткин сказал зловещим голосом:

– Еще раз брякнешь это непристойное слово, шеф вышибет из команды!.. Он не предсказывает, а прогнозирует.

– Виноват, – сказал Влатис поспешно. – Язык – враг мой, а вот мысль чиста и беспорочна. Переходи на мыслесвязь,

дубина.

– Сперва научись пользоваться, – ответил Уткин брезгливо. – Ты вчера приводил доказательства насчет единственного электрона во Вселенной, а заодно всем нам сообщил, что у Алевтины Игнатьевны под мышками и в паху заросли почище джунглей, на заднице родимое пятно, ноги толстые, а колени острые, ночью пердит так, будто из пушки стреляет, стонет слишком громко, на улице останавливаются заинтересованные...

– Это я не собрался, – перебил Влатис зло, – а ты мог бы фильтры установить!

– Сам установи, – отрезал Уткин. – Неча говно изливать в люди. Ты и за собакой не убирал?

– Убирал, – буркнул Влатис и поспешно отвернулся, чтобы не так было заметно, что нагло брешет.

Я все слышал, но промолчал, мыслесвязью пользуются уже многие из продвинутых, сказочные возможности, но требуется ментальная дисциплина, чтобы выдавать именно то, что хочешь, без сопутствующего мусора бессвязных картинок, ощущений и желаний.

У меня получается легко, почти само собой, то ли гены так легли, то ли моя самодисциплина, а вот, к примеру, Сергей Гамбург, прекрасный специалист, с подключенным чипом, ни разу даже не пытался. Страх, что вывалит кучу грязного белья, пересиливает жажду обмениваться информацией без применения примитивного и крайне медленного ре-

чевого аппарата.

Добросовестно отработал полноценный час в общем зале, это уступка лично директору института, как бы демонстрация смычки с коллективом вживую, затем отправился на третий этаж, где у меня свой кабинет с нормальными солидными стенами, что не двигаются по щелчку пальцев и вообще сложены из кирпича в те времена, когда и слова такого, как «хай-тек», не существовало.

Вообще-то я специалист по проблеме выживания человеческой цивилизации, но это слишком как бы абстрактная и далекая от нашей повседневности профессия, даже так истово ожидаемая сингулярность – всего лишь первая ступенька к проблеме неуничтожимости нашего вида.

Чем выше мощь хайтэка, тем способнее будем противостоять как изменениям климата, так и внезапным катастрофам, вроде извержения супервулканов, падения астероида, взрыва поблизости сверхновой с ее жестким излучением и множеством прочих напастей, которые пока что предотвратить не можем, но вот в недалеком будущем...

Очень-очень скоро и очень стремительно расселимся сперва по планетам Солнечной, а потом сразу же отправимся к ближайшим и даже дальним звездам.

Но даже тогда, когда заселим и освоим галактику, угроза уничтожения всего лишь уменьшится, но не исчезнет. Останется опасность атомных бурь в пространстве, перерождения материи, а чего стоят гравитационные цунами, в кото-

рых исчезают без следа целые галактики?..

Так что сейчас я на самой первой ступеньке. Моя работа только-только начинается. И я вроде бы еще не востребован по-настоящему, о чем трусливо помалкиваю, а то одни скажут, что занесся, другие приставят к виску большой палец и помашут растопыренными остальными.

Я вздрогнул, когда дверь распахнулась, в проем заглянул Касарин, свежезеленый, как сто тысяч только что вылупившихся жаб.

– Шеф!.. – сказал он страшным шепотом. – Нарушаете традиции?

Я повернулся на крутящемся кресле в его сторону.

– Какие?

– Не реже, – напомнил он, – чем раз в месяц, как мы обещали директору, обедаем не в кабинетах, а в кафе общего пользования!.. А у нас уже второй месяц без застолья!

Я скривился, но послушно поднялся, обещания нужно выполнять, иначе минус в репу, социальный рейтинг поддерживается и такими мелочами.

– Да, конечно. Пойдем.

Через улицу от нас неплохое кафе, хотя сейчас все неплохие и совершенно одинаковы, мы с Касариным вошли под парящий без опор широкий навес, Диана прервала разговор с Карповым и Южалиным и пошла к нам.

Шенгалыц тоже направился было к нам, но Диана встретила его таким взглядом, что он стушевался и поспешно плюх-

нулся за стол к Камнеломову.

Касарин смиренно молчал, опустив глазки, раз уж повезло оказаться за столом со мной и Дианой, а она, ничего у нас не спрашивая, почти мысленно заказала автоматическому шеф-повару блюда, только чуть-чуть губами шевелила, проговаривая про себя слова.

Некоторые вещи женщины осваивают быстрее мужчин, я помалкивал, в таких вопросах Диана не ошибается... да и вообще не помню, чтобы в чем-то ошибалась. Может быть, потому, что женщины осторожнее нас и на большие цели не замахиваются.

– Мясо натуральное, – предупредила она, – хоть с виду как синтетическое, уступка неолуддистам. Шеф, у вас очень уж серьезное лицо.

– Я разве не весь такой?

– Не весь, – заверила она с таинственной улыбкой.

Касарин потупил глазки в тарелку, а я проговорил с натурой:

– Сейчас весь мир на грани, напряжение вышло на точку закипания. Почти все население, что перешло на базовый доход, разделяет теперь ценности неолудов. Простые люди счастливы жить этим днем, а будущее страшит...

Официантка принесла на большом поднос заказ, хотя проще бы дроном, но то ли стараются сохранить исчезающие рабочие места, то ли уступка неолудам, чей голос становится громче и требовательнее.

Диана помогла переставить блюда на стол, официантка поблагодарила кивком и удалилась.

Диана сказала мягко:

– Но разве не видят, что ученых не сломить, каста ученых сейчас, как первохристиане, что готовы на костер за свои убеждения! Разве правительства всех стран поддерживают ученых?..

– Они видят и то, – напомнил я с горечью, – что при демократии правит большинство. А большинство сейчас на базовом доходе, сейчас жить как никогда привольно. Большинство начинает требовать остановить прогресс, «чтобы не испортить такое щасте». Потому наиболее активные неолуды и те, кто за ними стоит, скоро начнут новую атаку.

Она внимательно всмотрелась в мое потемневшее лицо.

– Новая... будет мощнее?.. Ты ешь, а то совсем исхудал.

– Новая будет разрушительнее, – ответил я с натугой. – Кто прохаживался насчет русского бунта?.. Так вот бунт а ля рюс начинается по всей планете. Глобализация, господа.

– Начнется?

– Уже начался, – ответил я. – Бессмысленный и беспощадный. Так что торопитесь. Нам не остановить стихию, это как ураган, тоже бессмысленный и беспощадный. Правительства беспомощны, надежда только на армии, но у каждого солдата смартфон в кармане, так что любая армия уже часть общества с его проблемами, желаниям и стремлениями.

Глава 8

Некоторое время ели молча, слышно было только стук вилок да деликатное почавкивание Касарина, самопальная модификация его организма привела к тому, что во время еды у него начинают раздуваться защечные мешки, как у хомяка.

От соседнего стола, за которым устроились неразлучные Лавр Лавров, Артем Глебов и Дмитрий Карпов, в нашу сторону повернулся Лавр, трагически серьезный и даже пугающий с его бородой под восточного экстремиста.

– Стремления даже у военных, – сказал он, – понятные... У рабоче-крестьянских армий, а они везде рабоче-крестьянские, даже в Ватикане идеалы тоже рабоче-крестьянские. Получать деньги просто так, иметь участок с садом и огородом, приличный домик с хорошей мебелью и... остановить мгновение.

Диана, прислушиваясь, молча резала мясо на ломтики, а я ощутил знакомое и чуточку пьянящее состояние, когда как бы вхожу в некое незримое облако, что охватывает по крайней мере это кафе и часть улицы, а это значит, смутно чувствую, как сейчас вон оттуда со стороны кухни выйдет официантка с подносом, заставленном кружками с пивом, те трое парней за столом у окна поднимутся и уйдут, но один обязательно шлепнет ее по ягодице, а с улицы с хохотом вломятся две девицы с крашенными в зелень волосами, закажут

безалкогольное вино и пирожные...

Диана искоса поглядывала на мое застывшее лицо, а когда заметила некое подобие улыбки, спросила шепотом:

– Получилось?

Я спросил так же тихо:

– Что?

– Ты что-то видел, – сообщила она. – У тебя лицо было такое...

– Зачем тебе быть еще и умной? – спросил я с сердцем. – Прибить бы, чтобы мысли не читала.

Она улыбнулась, польщенная, хотя для нее не новость, что умная, степень доктора психологии получила не за стройные ноги.

– Меня нельзя прибивать, – сообщила она. – Умную, правда, можно, но красивую?

– Ты восхитительна, – признался я. – Даже не знаю, как у тебя это удастся. Какие-то психологические штучки?

– Мое личное обаяние, – ответила она подчеркнуто хвастливо. – А ты что-то придумал, да?

– Нет, – ответил я. – Просто житейское. Вон те трое уйдут, один по дороге потрогает официантку за жопу. А с улицы явятся крашенные в зелень девицы и закажут пирожные.

Она продолжала улыбаться, уже с недоверием, но когда трое парней поднялись и пошли к выходу, где один на ходу провел ладонью по оттопыренному заду официантки, улыбка стала несколько застывшей.

Через пару минут с улицы вошли трое девиц, у всех волосы ядовито-синего цвета, еще от порога шумно и весело потребовали вино и пирожные.

Диана бросила на меня чуточку встревоженный взгляд.

– Невероятно...

– Все не так, – буркнул я. – Мне казалось, войдут две. А волосы должны быть зелеными, а не синими.

– Но все равно, – прошептала она. – Посмотри на Шенгальца, вообще соляный столб!.. Можно разбить на лизунцы для твоих коз. Я думала, можешь только глобальное, ты же футуролог, а не шаман!

Я скривился.

– А если бы такое брякнул на уровне финансовых сделок? Или динамики цен на нефть в следующем квартале?

Она покачала головой.

– Тебя за то и порицают, что на такие мелочи ноль внимания. Занесся, говорят. Хотя мог бы. Но как у тебя получилось с этими парнями? И девицами?

Я слегка сдвинул плечами.

– Да вот как-то. Может быть, потому, что постоянно в Облаке? Там вся наша группа, их знания и мои синергируют. Кто-то на улице видел, как эти девушки подходят к бару, а кто-то из тех парней уже был в Облаке. Думаю, тот, который пощупал официантку за ягодицу... Видимо, я достаточно чувствительный, чтобы даже такую хрень вылавливать, а не только настроение больших масс, как мне положено по

профе.

Она заботливо подвинула в мою сторону высокий стакан с ярко-оранжевым соком.

– Пей, это поддерживает мозг.

– Конагейт?

– Алатриска, – ответила она. – Это круче. Значит, становишься все чувствительнее? Не надорвись!.. Мы все на неведомой дороге. Это как биохакинг, кто-то сумел получить бессмертие, если не врут, но еще больше погибло в экспериментах, а сколько инвалидов?

– Как получится, – ответил я. Мелькнула мысль, что и рад бы побережся, но кто начинает при нынешнем темпе жизни беречь себя, скатывается в самый низ социальной лестницы. – Жаль, в нейропсихологию глубоко не нырял. У человека хоть в Средние века, хоть сейчас двадцать четыре часа в сутки, добавить неоткуда. А занятость на порядок выше.

– Знаю, – ответила она мягко, – ты прав. Хотя и жаль, что твое удивительное умение просчитывать даже бытовые ситуации не используется. Это же дополнительные суммы на твой банковский счет. Да еще какие суммы...

Она придвинулась вместе со стулом, элегантная и благоухающая, длинные изящные пальцы скользнули вниз к моему животу, послышался характерный звук раздвигаемой «молнии».

За соседним столом двое парней покосились в нашу сторону с нескрываемой завистью. Над Дианой словно парит

надпись, что принадлежит миллиардерам, а я им совсем не выгляжу, однако эта супермодель делает все, чтобы мне было приятно.

У меня мелькнула мысль, что такое древнее и объяснимое понятие, как ревность, пришлось отменить из-за чисто экономических причин, когда из-за нехватки рабочих рук ранее не покидавшим дом домохозяйкам пришлось оставить кухонные плиты и отправиться в офисы, на заводы и фабрики. Понятно же, гарантировать целомудрие женщин в таких ситуациях невозможно, мужьям с зубовным скрежетом пришлось смириться с ситуацией, что жены могут заниматься сексом с кем-то еще и на службе, а то и по дороге домой.

Неприятный период закончился, когда в быт вошли секс-куклы с так называемым искусственным интеллектом. Интеллектом и не пахло, да и кому нужен в таких делах, однако куклы быстро подстраивались под предпочтения хозяев, и вскоре даже женщины перешли с мужчинами на платонические отношения.

Потому сейчас муж и жена нередко спят в одной постели в обнимку, но сексуальные потребности полнее удовлетворяют с секс-куклами.

И если, вот как в этом случае, женщина берет в ладонь твои гениталии, то просто желает сделать тебе приятное, как делаем им мы, расточая комплименты.

Она смотрела мне в глаза, на ее щеках проступил и начал наливаться румянец, а глаза заблестели, как звезды в ночи.

– А ты хорош, – шепнула едва слышно, – сразу откликнешься. У нас бы здорово получилось.

– Разочаруешься, – ответил я. – Кто-то недополучил бы.

Официантка принесла две тарелки с фирменным печеньем, тоже покосилась на ее ладонь, перевела заинтересованный взгляд на меня. Если я до этого момента ничем не привлекал внимания, то теперь мой статус в ее глазах заметно возрос. Вот для чего мужчине, желающему карьерного роста, нужна красивая, а лучше очень красивая женщина.

Платье Дианы медленно становилось прозрачным, я некоторое время делал вид, что не замечаю, но когда почти исчезло полностью, я сглотнул слюну и попросил не своим голосом:

– Не надо... А то... ну, отвлекает...

– Правда? – спросила она. – А я уж думала, ты железный.

– Железо тоже плавится, – напомнил я.

Она довольно улыбнулась.

– Значит, я горячая штучка?.. Вот и комплимент выдавила!

Я невольно поглядывал, как платье снова наливается алым, затем переходит в багрянец, скрывая ее вторичные половые и элегантные изгибы тела.

– Распугаешь народ, – сказал я.

Она вскинула брови.

– При чем тут народ? У меня все настроено только на тебя. Даже вход в квартиру и мою спальню и, конечно, счет в

банке!

– А банк зачем? – запротестовал я.

Она хитро улыбнулась.

– А так просто. Вдруг тебе понадобятся средства? Просто переведешь себе любую сумму, вот и все. А можешь все сразу.

Она говорила прежним щебечущим голоском, но что-то в ее интонации подсказало, говорит совершенно серьезно, и я чувствовал себя все неудобнее, даже кровь перестала раздувать гениталии.

Касарин не только перестал есть, но даже не дышит и, как думаю, страстно жалеет, что не всобачил в себя модификацию, позволяющую стать вообще незримым.

– Почему? – спросил я.

– Потому что твоя, – сообщила она тем же легким голосом, – целиком. И все мое твое.

Я повторил тем же тягостным голосом:

– Но почему...

– Потому что, – щебетнула она, – счастлива принадлежать тебе. Хоть и не принадлежу, понимаю, но в грезах как бы я там вся.

Она не сказала «мечтах», прекрасно понимая разницу между мечтами и грезами, даже в легком таком трепе наш высокий уровень профессионализма присутствует, Маяковский о таком сказал с невеселой иронией «В поцелуе рук ли, губ ли, в дрожи тела близких мне красный цвет моих рес-

публик тоже должен пламенеть».

– Эх, – сказал я, – ну ты же понимаешь...

Она мягко улыбнулась.

– Пик обязательного феминизма прошел. Сейчас полная свобода, каждый живет как хочет. Я хочу принадлежать целиком тебе, именно так я счастлива.

– Извращенка. – сказал я с неодобрением. – Нет чтобы тройной параллакс Архейджанса высчитывать или формулу взаимодействия бозона с ядром черной звезды...

– Параллакс высчитал Кротов-Основский, – напомнила она. – Вчера. А мне куда интереснее высчитывать... нет, стараться предугадать твои поступки.

– Зачем?

– Чтобы выполнять твои желания, – пояснила она с некоторым удивлением моей мужской тупостью. – Я хочу делать то, что ты хочешь, но еще не успел сказать. И вообще... я могла бы с тобой получать больше, чем с любимым доллом. Не знаю, почему так...

– Ты психолог, – ответил я. – Ты все о таких вещах знаешь.

Она кивнула.

– Наверное, не хочу признаваться. Ты для меня настолько альфа-самец, что у меня всегда желание делать только то, что тебе приятно. А мне от этого приятнее еще больше! Это потому, что я умница и вижу больше других!

Ее улыбка была несколько ироничной, но я ответил серьезно:

– Ты в самом деле лучшая в своем деле. Хотя меня переоцениваешь... ну, чуть-чуть. Самую малость. Я скромный. И почти девственник, если брать в счет мою целомудренную застенчивость.

Касарин шевельнулся, до этого сидел неподвижно и вроде бы не дышал вовсе, сказал надтреснутым голосом:

– С вашего разрешения убегаю... Не потому что... просто перерыв закончился. Я как бы законопослушный, страшусь репрессий...

Он поспешно вскочил, отводя взгляд, а я сказал с заметным для себя облегчением, а это значит, и для Дианы:

– Да, пора возвращаться.

Диана и на обратной дороге старалась держаться возле меня, словно взяла под защиту своей ауры. За время обеда на рецепшене, так называем ближайший ко входу рабочий стол, появились Аня Томашева, она приходит на службу с обеда, улыбнулась мне чуточку печально, сразу заметив со мной Диану.

Милая и скромненькая, первую половину дня проводит в универе, работая лаборанткой, я с нею пару раз вязался в своем кабинете, еще когда только создавался коллектив, и я тогда знакомился с сотрудниками, все как бы оправданно и естественно, а с Дианой не пришлось, она появилась в нашем коллективе, когда я уже утвердился в роли лидера.

Аня, ласковая и послушная, старается угадать все мои желания, в сексе хороша, однако я из-за своей чувствительно-

сти ощущал вину, что «не удовлетворил ее запросы», хотя она и делала вид, что запросов у нее никаких нет, кроме желания дать предельное удовлетворение мне.

Сейчас улыбнулась мне тихо и застенчиво, как все мы любим, моя чертова доминантность польщена вне зависимости, что думаю я, и потому окинул ее почти хозяйским взглядом собственника, сам осуждая себя за вмонтированное в меня хозяйственной природой прошлое диких предков.

– Привет, Анютка! – сказал я бодро. – Мне кажется, у тебя сиськи в прошлый раз были меньше?

Она заулыбалась чуточку живее.

– Да, – ответила тихим милым голосом, – но мне показалось, вам нравятся вот такие.

– Вообще-то да, – согласился я. – Но ты зря тратилась.

Она покачала головой.

– Да ладно, другим тоже такие нравятся. Даже из соседнего отдела приходили щупать. Какой-то новый материал поставили, самой нравится мять и лапать.

– А-а, – сказал я, – тогда другое дело. Нужно учитывать запросы общественности. Многие могут стать нашими избирателями.

Она улыбнулась, шутку оценила. Пусть лишена великосветского блеска Дианы, но с пониманием все в порядке, в нашем отделе глупые невозможны по дефолту, даже средних по уровню интеллекта нет.

Глава 9

В своем кабинете еще не успел опуститься за стол, как Сюзанна, что и здесь следит за всеми моими желаниями и удобствами, сказала с экрана вкрадчиво:

– Сагиб, через пять минут прибует Краснокутский. Вы с ним знакомы, встречались на конференциях в Палермо и в том городе, без которого нельзя жить, как утверждал тот парнишка со шпагой...

– Точно, – ответил я, – в Вероне. Хочешь сказать, изволил, даже соизволил прибыть для встречи со мной? Лично?

– Да, – подтвердила она. – Для встречи с вами.

Я вздохнул. Краснокутский крупный ученый, но слишком уж традиционалист, хотя уже предпочитает встречи в вирте, но для особо важных случаев все еще вот так, по старинке, когда при личном контакте лицом к лицу улавливаются нюансы, что теряются при виртуальных беседах.

– Если прибыл лично, – подсказала Сюзанна, – значит ждет от встречи что-то для себя важное. Или не только для себя.

– Он не одиночка, – согласился я. – Всегда старался быть выразителем интересов группы покрупнее. Где он сейчас?

– Уже припарковался, выходит из автомобиля, идет к зданию.

Она вывела изображение на широкий экран, запустила со-

провождение и анализатор, что сразу же начал сообщать бесстрастно, что означает порывистость походки, наклон головы и какая мимическая складка на лице что означает и чего можно ждать в разговоре.

– Пригласи в мой кабинет, – велел я.

– А ваша работа?

– Отложу, – ответил я. – Он ученый, а не политик, болтать попусту не будет.

Она сказала предостерегающим голосом:

– Он настроен на очень серьезный разговор.

– Вижу, – ответил я с тоской. – Готов к схватке. Как же не люблю эти моменты!.. Я футуролог, а не спорщик... Да минует меня чаша сия...

– Не минует, – возразила Сюзанна неумолимо. – Придется испить до дна. Соберитесь, сагиб!

Я промолчал, наблюдая, как Краснокутский вошел в наше здание и прямо из холла начал подниматься на лестнице, прямой и собранный, настоящий аристократ, сдержанный в любом проявлении эмоций. Ни единого лишнего движения, даже одет в классическом стиле прошлого века, есть и такое поветрие, в костюме-тройке и с элегантной шляпой на коротко подстриженных волосах, такие головные уборы и прически носили во времена Чемберлена и Черчилля, только что трость в руке счел излишеством, а так бы ну прям Байрон.

Так же напряженно мы наблюдали за тем, как поднялся на третий этаж и как именно идет по коридору в сторону моего

кабинета. Походка многое говорит о том, как человек поведет себя и даже на какой ноте будет вести беседу. Думаю, Сюзанна, наблюдая за ним неотрывно, оценивает по большому числу параметров, чем я, конечно, воспользуюсь, когда сядем с Краснокутским за стол и посмотрим друг другу в глаза.

Дверь распахнулась, он шагнул через порог, элегантно жестом снял шляпу. Я со своим усиленным зрением сразу углядел в его пышной прическе замаскированные имплантаты, два для усиления работы неокортекса в целом и один для входа в инет. В данный момент инетный отключен, явно не хочет отвлекаться, да и вообще знаю многих, что имплантируют такие девайсы по принципу «хай будэ», а пользование оставляют на потом, потому что сперва нужно обучить ленивый мозг новым приемам, а для многих это оказывается тяжелейшим и очень трудозатратным для организма испытанием.

Когда-то он был известным ученым, пусть не мирового уровня, но достаточно ярким и обещающим, но рано ушел сперва в преподавание, а потом и вообще, как это называется, «в общественно-политическую деятельность», когда не работают в правительстве, а придирчиво следят за каждым его движением и злорадно сообщают на весь мир, что все не так и все пропало.

Я поднялся – Краснокутский из тех, кто сам соблюдает канонические правила вежливости и счастлив, когда видит себе подобных, – придвинул второе кресло ближе к столу.

– Здравствуйте, Всеволод Роландович, – сказал я, величая его полным именем-отчеством, хотя теперь большинство пользуются никами и аватарками своих персов. – Давно вас не видел. . . Говорят, вы уже возглавляете в правительстве комитет по правам человека?

Он вежливо наклонил голову, держится, как дипломат на официальном приеме.

– Да, со вчерашней недели.

– Поздравляю! – сказал я самым искреннейшим голосом. – Прошу вас. Садитесь. . . Позвольте шляпу?

Он передал мне шляпу и медленно опустился в кресло, чуть опустив руку и опираясь о сиденье, что говорит о некоторой слабости организма.

– Спасибо. Да, вы правы, мы уже начали работать. Пока разбираем завалы.

Я передал шляпу манипулятору слева от стола, тот красиво повесил ее на олений рог, торчащий из стены, а я сел в свое кресло.

Стол между нами подчеркивает деловой характер встречи, хотя мы оба заканчивали один вуз, пусть и в разное время.

– А работы все больше, – сказал я с сочувствием. – Сейчас всем приходится с утра до вечера! А то и ночами, только чтобы оставаться на месте. Иначе прогресс промчится мимо, оставив нас на обочине. Чем обязан счастьем видеть вас, Всеволод Роландович?

Он откинулся на спинку кресла, так теперь сидят и государственники высшего ранга, только что ногу не закинул на ногу, но зачаточное движение было, я такое улавливаю еще на уровне мыслительных волн.

– Консолидируем силы, – сообщил он. – Первая волна народного недовольства, как вы знаете, вылилась в стихийные протесты.

– Не совсем стихийные, – уточнил я. – Уже давно координируются через социальные сети. Но, правда, все было пока что на местных уровнях. Глобального управления не было, я бы заметил.

– Эти силы разные, – произнес он, не отрывая от меня взгляда, – от крайне левых до крайне правых, а еще с нами также зеленые и прочие вегетарианцы.

– Понял, – ответил я. – Согласен, раньше такого не было.

– Не было, – подтвердил он. – Что на это скажете?

Я хотел ответить ссылкой на известную работу Сталина насчет нарастающего сопротивления темных сил по мере приближения к коммунизму, но подумал, что Краснокутский шулки не примет, очень серьезен и настроен почти враждебно, ситуацию разрядить не возжелает.

– Сейчас, – ответил я тем же спокойным голосом, хотя внутри начало нарастать тягостное чувство, – многое происходит впервые. Мир ускорился, события сжимаются. Ориентироваться очень трудно. Но, как я понимаю, если вы возглавили в правительстве комитет по правам человека, то мы

на одной стороне?

Он коротко усмехнулся.

– Я в сложной ситуации. Вы помните, король Генрих Второй назначил своего лучшего друга и советника Бекета на должность кентерберийского архиепископа, рассчитывая получить власть и над церковью? Бекет не хотел этой должности, но подчинился королю и стал вникать в церковные дела...

Он умолк и взглянул на меня с вопросом в глазах. Я кивнул, и он продолжил:

– Но ситуация складывалась так, что церковь нуждалась в защите от короля. В конце концов все привело к разрыву дружбы и столкновению с королем. Надеюсь, вы поступите благоразумнее Бекета... хотя, если честно, я вообще-то на его стороне. Но сейчас ситуация хоть и похожа, но иная.

Он чуть развел руками, но не в простонародном жесте, когда видна вся ширь натуры, а сдержанно, лишь обозначив движение.

– Потому мы и решили обратиться к вам. В отличие от неповоротливого правительства с его раздутым бюрократическим аппаратом мы работаем быстро и сразу понимаем суть перемен.

– Мы, – повторил я, сразу хватаясь за нужное слово, – это уже не комитет по защите прав человека?

Он чуть раздвинул губы в поощряющей улыбке.

– Тоже комитет по защите населения, но уже другой. С

точки зрения власти он полулегален, но и нелегальным его назвать нельзя, так как представляет едва ли не треть населения России!.. А то и больше, две трети просто молчат и выжидают.

– Сложное положение, – согласился я. – Чаю, кофе?

Он ответил так же бесстрастно, но раздвинул губы в легкой улыбке:

– Кофе, если можно.

Я мысленно отдал приказ, для таких простых не нужно даже сосредотачиваться, сообщил:

– Сорок секунд.

Он кивнул, сказал тем же ровным голосом:

– Простой народ все больше раздражает проникновение видеокамер в быт. Они фиксируют каждый наш шаг, с чем многие так и не смирились. Вы знаете о массовых актах вандализма со стороны возмущенных народных масс, а сейчас правительство готовится принять закон об обязательной люстрации мыслей!

– Только для поступающих на государственную службу, – уточнил я снова. – И в стратегические войска. Все-таки стоит знать, что за человек отвечает за пуск ядерных ракет.

Он чуть повысил голос:

– Но содержится рекомендация расширить перечень! А это явное нарушение прав...

– Знаю, – подтвердил я. – Но расширить только для силовых структур городской полиции, учебных заведений...

– И даже дошкольных!

– До них руки дойдут не сразу, – ответил я успокаивающе. – Но вы правы, когда-то все придет к тотальному контролю. Хотя что плохого, если даже при отборе воспитателей в детский садик сразу отсеивать потенциальных садистов и педофилов? Не потом, а заранее?

Он сказал с нарастающим раздражением:

– Гарольд Анатольевич, вы же понимаете, это только песчинка!.. Тоталитарное господство растет стремительно, народ против нарушения личного пространства и приватности...

Я успел понять по его лицу, что сейчас закатит хорошо поставленным голосом лекцию насчет ужасов тоталитарного господства, поспешно сказал с подчеркнутым сочувствием:

– Всеволод Роландович, я полностью разделяю ваше негодование... Я еще тот конформист, однако же, если посмотреть по сторонам, сильно ли чувствуем засилье, простите за тавтологию, силовых структур?..

Он возразил с тем же негодованием:

– До поры до времени!

– Пока не совершим чего-то противозаконного? – уточнил я. – Я вот уверен, что для меня что есть этот тоталитарный контроль, что нет вовсе. Мне и раньше не нравилось, когда в социальных сетях кто-то прятался под ником, а вместо своего фото выставлял на аватару кошечку или попугайчика. Это вообще гадко!.. Я таких изначально не принимал во

френды и, когда запретили выходить в сеть анонимно, только одобрил этот «драконовский и бесчеловечный запрет». Нефиг срать под никами, а при встрече улыбаться и говорить комплименты!

Дверь распахнулась, в кабинет вошла Диана с подносом в обеих руках, светски улыбнулась.

Краснокутский вскочил, поклонился и стоял, пока она переставляла на стол чашки и большую расписную под старину тарелку со сдобным печеньем, рекомендованным Всемирной Ассоциацией Диетологов.

– Приятного аппетита, – почти пропела Диана таким милым голосом, что в моем мохнатом сердце закопошилось нечто древнее и хтоническое, таинственно улыбнулась гостю и скромно вышла, не двигая ягодицами и как бы по-тургеневски стараясь не привлекать к себе внимания.

Краснокутский опустился в кресло, сразу сказал строго:

– Сейчас другое дело. Люди боятся раскрывать личные данные.

Я взял свою чашку, настоящей старинной работы, а не под старину, он должен оценить, что не рвусь в будущее, бездумно уничтожая все старое на пути, хотя на самом деле мне вся старина пофиг, прошлое не изменить, а вот будущее будет таким, каким сделаем, что здорово, но в то же время и тревожно, не такие уж мы и великие мастера.

– Почему я не боюсь? – спросил я. – Может быть, из-за такого пустяка, что не ворую, не убиваю, не насилую?.. И

даже не подличаю под множеством ников?

Глава 10

Он задержал чашку в ладонях, словно оценивая встроенными в коже сенсорами ее подлинность.

– Наше правительство, – сказал он, повышая голос, – кровно заинтересовано, чтобы все было под его контролем! А это противоречит нравственным законам...

– Любое заинтересовано, – напомнил я.

– На Западе общественность не позволяет...

Он сделал наконец первый глоток, сенсоры явно сказали ему, что чашке в самом деле полтора века, приятно, жаль только, такие мелочи не повлияют на его позицию, разве что их наберется вагон и маленькая тележка.

Я развел руками.

– Но как резко забуксовал Запад из-за этого «не позволяем!». Даже Иран обогнал в высоких технологиях, кто бы мог подумать?.. Нужно вовремя менять коней демократии на автократичных. Это всего лишь метод повышения скорости на финишной прямой, все оправданно...

– Финишной прямой к чему? – уточнил он. – Кстати, хороший кофе. Марка «Эда Медера»?

– Она самая, – подтвердил я. – Старая фирма с хорошей устоявшейся репутацией.

Он сделал глоток, прислушался к ощущениям, но произнес все тем же напористо-наступательным тоном:

– Общественность, чье мнение выражаем, уже не просто встревожена, а разъярена!.. И готова к действиям. Кое-где уже произошли нежелательные эксцессы...

Я пробормотал:

– Намеряете на захват власти на Урале?.. Это уже не просто эксцесс, а уголовно наказуемое вообще-то...

– Цветочки, – сообщил он зловещим тоном. – Вот-вот такое по всей стране!.. А всю не накажешь. Потому нужно срочно менять курс, чтобы простой народ, которому мы служим, успокоился. Иначе рухнем в кровавое средневековье! Разве вы этого хотите?

– Как и вы, – ответил я. – Никто не жаждет резни... кроме простого и очень даже простого народа. Этих простейших, я бы сказал!.. Однако я полагаю, что стоит отдать часть своих личных свобод, хоть и не хочется, за безопасный мир. Вы же видите, насколько все ужесточилось! Ярость и недовольство копились слишком долго... А тоталитарный контроль дает безопасность.

– Нет, – отрезал он упрямо. – Ценности демократии и личная свобода превыше всего!

Я смолчал. Когда на твои «дважды два четыре» отвечают лозунгами, спорить как-то нелепо. Хотя лозунги правильные, но политика управления обществом должна быть гибкой. Длинные промежутки времени – демократия, короткие рывки – тоталитаризм и ограничение свобод.

Он счел мое молчание за колебание, произнес с мягким

укором:

– Простые люди всегда были в центре внимания культуры!

– Не совсем так, – напомнил я мягко, не желая тыкать носом в очевидное. – Все века и даже тысячелетия писали, говорили и рисовали только великих правителей, полководцев, ученых, писателей! И даже ставили им памятники и статуи. О простом человеке впервые заговорил то ли Достоевский, то ли еще кто-то в его время... Так что это мы традиционалисты, Всеволод Роландович!.. Мир все-таки развивают и двигают личности...

– Но вы забыли о нуждах простого человека!

– Он был простым, – ответил я с неохотой, – а сейчас вообще простейший... Да, уже простейший. Бесплатные блага развратили этого простого и даже очень простого, опустив ниже плинтуса... Кто думал, что благородная идея бесплатного базового дохода подействует так развращающе! Им мало всех удобств, хотят еще и указывать всему миру, как жить и на каком боку лежать на диване.

– На диване? – отпарировал он. – А кто на улицах с протестами?

– С протестами, – согласился я. – А создавать что-то могут? Или только ломать, жечь и бить витрины?.. Лучше бы лежали. Они даже не понимают, что такое мирный протест!.. Это если бы учителя вышли со своими требованиями или медработники, протест был бы мирным и ни одна витрина бы не пострадала.

Он поморщился.

– Простой народ иногда перебарщивает.

– Иногда? – уточнил я. – А когда начнутся массовые поджоги и убийства, остановить сумеете?

– Не начнутся, – заверил он. – Они же люди!

– В том и дело, – согласился я, – всего лишь люди. А люди хищники, сдерживаемые лишь законами и воспитанием. А тех, что уже на улицах, что-то сдерживает?.. Или только объединяет в хищные стаи?

Он допил кофе, тяжело вздохнул; я видел, как ему нелегко вести со мной разговор, понимая правоту и моей позиции, однако будучи старше и опытнее, чаще бывал бит жизнью и обстоятельствами, успел повидать черных лебедей.

– Дорогой Гарольд Анатольевич, – сказал он, впервые обращаясь ко мне так доверительно, – вы должны остановиться. Нет, не совсем! Я не призываю остановить мгновение насовсем, это тупик, застой и деградация, понимаю. Но снизить скорость прогресса в ваших силах. У вас лично влияния намного больше, чем вы думаете! Нужно успокоить народ. Дать ему то счастье, которое требует и жаждет. Хотя бы на одно-два поколения!

– Ого, – сказал я.

– Это нужно, – сказал он настойчиво. – Вы же футуролог, разве не чувствуете, вторая волна протеста будет мощнее! Даже я это вижу. Если народ в слепой ярости победит, цивилизацию отшвырнет в Средние века! Народ этого не пони-

мает, но мы же видим, что будет?

– А разве мы не народ? – ответил я. – Сейчас общество расколото на полезников и бесполезников.

– Гарольд, – произнес он с укором, – это же оскорбительно...

– Мы не на трибуне, – напомнил я. – Это так, мое частное мнение, можно занести в минус репутации.

– Уже занесено, – ответил он со вздохом. – У вас на той чаше весов столько тяжелых проступков, что даже не знаю, как тросики не оборвались.

Его тон становился все доверительнее, даже амикошонское обращение по имени не царапнуло слух, все-таки на этом уровне знакомства предпочтительнее обращаться друг к другу по имени-отчеству, но здесь он изо всех сил старается сблизиться, как бы опуская, что для сближения нужно хотение двух сторон, а для разрыва достаточно желания одной.

– Всеволод Роландович, – сказал я, – думаете, мне не обидно, что мою любимую Европу, совсем недавний локомотив науки и хай-тека, обогнали десятки стран, которых и на карте не сразу найдешь!.. Европа слишком заигралась в демократию.

Он отшатнулся, во взгляде мелькнуло подозрение.

– Гарольд Анатольевич, вы разве против демократии?

– Я за, – сообщил я мирно, – но на данном этапе демократия погубит мир. Да-да, всю цивилизацию. Без жесткого контроля за всеми не выжить!.. Сейчас на некоторое время

важнее тоталитаризм, а потом снова нужно к демократии.

Он смотрел пытливо, я понял по выражению его лица, что сперва хотел язвительно заметить насчет схватки автократов за власть, никогда не отдадут добровольно, но потом вспомнил, что не только Франко возродил в стране демократию, а потом передал ей бразды, но и в других странах при переходе от автократии умели обходиться без большой крови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.